

Мамед Садыкбек

АГАБЕКЗАДЕ

(письма)

SWB

Bourgas – 2010

Под редакцией
кандидата исторических наук
Халиловой Тамилы Ширин кызы

Мамед Садыкбек Агабекзаде (письма). SWB,
Bourgas, 2010. стр. 130.

Имя Мамеда Садыкбека Агабекзаде поставлено в один ряд с именами крупных военачальников, генералов С. Мехмандарова, А. Шихлинского и другими.

ISBN 978-9952-451-06-1

SWB, Bourgas – 2010

Мамед Садыкбек

АГАБЕКЗАДЕ

(1865-1944)

Мамед Садыкбек Агабекзаде – российский военачальник и азербайджанский государственный деятель; основатель и реформатор азербайджанской полиции, вице-министр внутренних дел Азербайджанской Демократической Республики в 1919-1920 годах, ученый-востоковед, генерал-майор. По специальности Мамед Садыкбек Агабекзаде – востоковедом, профессором Львовского и Парижского университетов, одним из основоположников востоковедения в Европе.

Мамед Садыкбек Агабекзаде родился в Геокчайском уезде Бакинской губернии 15 марта 1865 года. С детского лет он ощутил на себе строгость и требовательность отца – Гаджи Исмаила. Видимо, это с детских лет мобилизовало его к активной жизни. Со дня поступления в школу его дисциплинированность, посещаемость и знания отличали от других. В 1883 году он окончил Бакинское реальное училище, по окончании

которого поступил в Петербурге во 2-е Константиновское военное училище. В 1886 году окончил эту школу и был принят на третий курс знаменитой в то время Михайловской артиллерийской школы. В том же году в возрасте 21 года, он приступил к воинской службе в чине артиллерийского подпоручика на Кавказе. В 1896 году, успешно сдав экзамены в Тбилисском военном штабе, был командирован в Санкт-Петербург, где, пройдя успешно курс, был зачислен в Институт восточных языков при генеральном штабе. После окончания данного института, в 1899 году, получил назначение в Туркестанскую губернию, где вскоре стал командующим этого военного округа. Отслужив там 14 лет, в 1913 году выходит в отставку по болезни в чине генерал-майора.

За 14 лет службы в Туркестане, он, наряду со своими воинскими обязанностями, занимался также научной деятельностью и стал основоположником туркменской письменности и грамматики. Он занимался сбором народных сказаний, былин и легенд. В результате

титанического труда Садыкбек в 1904 году, издал учебник «Туркменский диалект», на русском языке, за что Эмир Бухарский наградил его особой грамотой. Его имя внесено в Туркменскую энциклопедию.

В 1902 году Мамед Садыкбек Агабекзаде женился. К сожалению, его жена Айша ханум скончалась. Она похоронена на мусульманском кладбище французской столицы. Мамед Садыкбек до конца своих дней остался верен жене.

Мамед Садыкбек Агабекзаде владел семью языками.

Выйдя на пенсию, Садыкбек был уверен, что его военная карьера окончилась и что остаток своей жизни ему будет суждено провести в родном Геокчае. Однако Первая мировая война внесла коррективы в его жизнь. Садыкбек верен присяге, добровольно идет на войну. Участвовал в боях на Кавказском, а затем на Украинском фронте. В 1916 году Садыкбек возвращается к себе на Родину и живет в родительском доме в Геокчае. 23 октября 1918 года решением Правительства АДР Са-

дыкбека назначают на должность вице-министра внутренних дел. На этом посту он прослужил до декабря 1919 года.

С приходом в апреле 1920 года в Баку Красной Армии 55-летний Мамед Садыкбек Агабекзаде эмигрировал в Турцию, где проживал у родственников в Стамбуле. Затем переезд с семьей в Париж, где 2 года преподает в Сорбонне персидский и турецкий языки.

С этого момента начинается второй этап его жизни. Ровно 70 лет не было ничего известно о нем в эмиграции.

Немалую роль в получении материалов о Садыкбеке сыграл Рамиз Абуталыбов, проработавший многие годы в Париже в качестве представителя СССР в ЮНЕСКО. Им, в частности, из Парижа, были высланы в Баку, архивные документы о Садыкбеке и его письма Алибеку Гусейназе.

В октябре-декабре 1990 года, будучи в научной командировке в Польше, азербайджанская ученая Гюляр ханум Абдуллабекова исследовала в Краков-

ском филиале Польской Академии наук архивы польских востоковедов. Здесь она впервые встретила имя Мамеда Садыкбека Агабекзаде. Ей удалось собрать большое количество сведений о генерале.

По возвращению на родину Гюляр ханум опубликовала в газетах «Наука», «Литературная жизнь» и в журнале «Азербайджан» статьи о жизненном пути отважного генерала, выдающегося ученого-востоковеда Мамеда Садыкбека Агабекзаде. После эмиграции с 1920 по 1921 год он жил у своих родственников, в семье известного Алибека Гусейнзаде¹. С 1921 по 1927 год он проживал в Париже и занимал место профессора-востоковеда в Парижском Университете. За это время он подготовил несколько ученых-востоковедов, написал ряд статей и 6 монографий по востоковедению и впервые в Европе ввел востоковедение (как науку), пользовался среди европейских ученых большим авторитетом.

¹ Гусейнзаде Алибек (1864-1940). Азербайджанский поэт, ученый, публицист, врач, художник, просветитель. Мать Алибека Гусейнзаде и мать Садыкбека Агабекзаде были двоюродными сестрами.

В 1927 году профессор Львовского университета Зигмунт Смогожовский пригласил Мамеда Садыкбека Агабекзаде профессором в Львовский университет. До конца своей жизни, до 9 октября 1944 года, он жил и работал во Львове. Во время немецко-фашистской оккупации Львова, гитлеровцы выселили немолодого уже ученого из его квартиры, поселив в плохо отапливаемое помещение. Десятки профессоров были расстреляны немцами, но его не тронули. Все это время он продолжал научную деятельность. Им было написано большое количество книг по востоковедению и подготовлены крупные востоковеды Польши – Теофил Благодарский, Ольга Вошчак и Марианн Левицки.

В 1943 году он тяжело заболел, а девятого октября 1944 года, уже после освобождения Львова, Садык-бек Агабекзаде скончался.

В архиве обнаружено его предсмертное завещание, в котором за уход за ним во время болезни он завещал все свое недвижимое имущество М. Левицкой, пани Северине Вилкошинской – 300 золотых монет,

Теодози Крульевой – 100 золотых монет, Ольге Вошчак – книги и граммофон.

Его ученики и друзья, оставшиеся в живых, похоронили профессора по мусульманскому обычаю и по сегодняшний день посещают его могилу и ухаживают за ней. В городе Львове его именем названа одна из улиц.

До сих пор в высших учебных заведениях Польши, Украины и Франции изучают востоковедение по книгам М. С. Агабекзаде.

В период его работы в г. Львове этот город входил в состав Польши, но впоследствии вошел в состав Украины. Украинцы считают генерала-профессора Садыкбека своим известным ученым востоковедом, тогда как поляки перевезли большую часть его биографических и научных материалов в г. Краков и считают Садыкбека своим ученым.

Таким образом, имя генерал-майора Садыкбека Агабекзаде вошло в историю шести народов – азербайджанского, русского, туркменского, французского,

польского и украинского. Кроме того, в процессе изучения биографии генерала Садыкбека удалось установить интересные факты из его родословной. Оказалось, что его дед по отцовской линии являлся муфтием мусульман Кавказа.

Военное издательство Азербайджана выпустило книгу Али Самедли под названием «Человек, проживший две жизни», посвященную жизни и деятельности Мамеда Садыкбека Агабекзаде. В предисловии к ней, написанном генерал-полковником Т. Агагусейновым есть такие слова: «Имя Мамеда Садыкбека Агабекзаде поставлено в один ряд с именами крупных военачальников, генералов С. Мехмандарова, А. Шихлинского и другими.

Прославленный генерал-майор Мамед Садыкбек Агабекзаде отважно сражался на фронтах первой мировой войны. Наряду с военными заслугами, он прославился на всю Европу, как профессор Парижского и Львовского университетов. Его перу принадлежит большое количество монографий по востоковедению, которые впервые им были распространены в Европе.

Исследователи должны более подробно изучить жизнь, военную и научную деятельность видного представителя азербайджанского народа – генерал-майора Мамеда Садыкбека Агабекзаде, который служил русскому и азербайджанскому, туркменскому и французскому, польскому и украинскому народам...».

Похоронен С.Агабекзаде на 84 линии Личаковского кладбища. Личаковское кладбище – один из самых величественных и самых помпезных европейских некрополей, основанный в 1786 году. Здесь с первых годов его учреждения хоронили лиц известных, знатных, самых богатых – деятелей культуры, искусства, науки и всю политическо-административную элиту столицы Королевства Галичина и Лодомерия.

На мраморной плите надпись на польском и турецком языках: «Здесь похоронен генерал и профессор Мухаммед Садыкбек Агабекзаде (Агабеков)».

Городская власть Львова достойно оценила заслуги ученого, переименовав улицу Боковую Бакинскую на улицу Садыкбека Агабекова. Поэтому, стоя пе-

ред могилой Мухаммеда Исмаиловича Садыкбека Ага-
бекзаде (Агабекова), кланяемся духу этого мужчины,
говоря при этом известную восточную формулу –
«Мир его праху и слава его имени!».

КАК СОЗДАВАЛАСЬ АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ПОЛИЦИЯ

Мамед Садыкбек Агабекзаде родился в 1865 году в г. Геокчае Бакинской губернии. В 1883 году окончил Бакинское реальное училище. По окончании училища поступил в Петербурге в Константиновское военное пехотное училище. Окончив его, он сразу же поступает на третий курс Михайловского военного артиллерийского училища.

В 1886 году начал службу в чине подпоручика артиллерии на Кавказе. Спустя десять лет, в 1896 году сдал успешно экзамены, был принят в Санкт-Петербургский Институт Восточных языков при Генеральном Штабе. После окончания данного института, в 1899 году был направлен в Туркестанский край для прохождения военной службы. В 1913 году Садыкбек выходит в отставку по болезни в чине генерал-майора.

Во время прохождения службы в Туркмении, как ученый востоковед он занимался сбором народных сказаний, былин и легенд. В результате титанического труда Садыкбек издал учебник «Туркменский диалект», за что Эмир Бухарский наградил его особой грамотой.

Выйдя на пенсию, Садыкбек был уверен, что его военная карьера окончилась и что остаток своей жизни ему будет суждено провести в родном Геокчае. Однако

Первая мировая война внесла коррективы в его жизнь. Садыкбек верен присяги, добровольно идёт на войну. Участвовал в боях на Кавказском, а затем на Украинском фронте. В 1916 году Садыкбек возвращается к себе на Родину и живёт в родительском доме в Геокчае.

23 октября 1918 года решением правительства АДР Садыкбека назначают на должность вице-министра Министерства Внутренних Дел АДР. Это был период, когда данное министерство возглавлял выдающийся государственный деятель, известный нефтепромышленник, один из создателей органов национальной полиции Бехбуд ага Джаваншир.

Исследуя период деятельности Садыкбека в качестве вице-министра МВД, с октября 1918 по декабрь 1919 года, следует указать на некоторые особенности становления и формирования регулярной профессиональной полиции в Азербайджане.

Итак, назначение Садыкбека на должность вице-министра МВД было актом неординарным, так как в истории полиции Азербайджана, Грузии и других, соседствующих с Азербайджаном государств, подобный институт в системе государственного управления на практике не применялся.

Садыкбек, будучи вице-министром МВД занимался стратегическими и тактическими вопросами, особенно организационно-мобилизационными, материально-техническими и финансовыми.

Одним из первых шагов в деле преобразования полиции было предложение Садыкбека об увеличении финансово-бюджетных средств, выделяемых МВД АДР. Уже в конце сентября – в начале октября 1918 года по его инициативе в старом городе была открыта школа городских. Садыкбек серьёзно занимался созданием региональных структур органов полиции по всему Азербайджану. И, когда встал вопрос о выборе нормативно-правовой базы для национальной полиции, то Садыкбек, не колеблясь, выступил ярким сторонником использования нормативно-правовой базы, естественно с некоторыми изменениями, бывшей Российской империи, которая в мировой полицейской практике конца XIX и начала XX в.в. не имела аналога. В качестве примера приведём несколько официальных документов, сохранных и применявшихся в полиции АДР вплоть до «апрельского» переворота 1920 года. Вот некоторые из них: «Об организации полицейских учреждений», «О департаменте полиции», «О полиции общей, уездной и городской» и т.д.

Садыкбек Агабекзаде сыграл большую роль в разработке концепции по реформированию полиции АДР. Концепция предусматривала реформирование полиции в три этапа. Первый этап охватывал период с июля по декабрь 1918 года и выдвигал следующие требования:

- национализация органов полиции;
- подготовка кадров для управления органами внутренних дел;

– реструктуризация всех структур органов полиции.

Ко второму этапу реформирования относится период с декабря 1918 г. по март 1919 г., где также выдвигались следующие требования:

– усиление планомерной внутренней организации полиции;

– сотрудничество и координация совместных действий Бакинской полиции с временным Комиссариатом полиции союзных держав в борьбе с уголовной, политической и транснациональной преступностью;

– внутриведомственная борьба с проявлением административного произвола и злоупотреблением власти отдельных чинов полиции.

Третий этап реформирования охватывал период с апреля по декабрь 1919 г., который предусматривал уже более широкий спектр мероприятий:

– централизацию всех полицейских сил вокруг МВД республики;

– переподчинение Бакинской и Балахано-Сабунчинской полиции МВД Республики;

– укрепление законности и общественного порядка в стране;

– усиление охраны личной и имущественной безопасности граждан;

– защиту прав всех национальностей, проживающих в пределах Азербайджана;

– борьбу с должностными преступлениями;

– передачу самых широких полномочий губернаторам и уездным начальникам в деле организации полицейской службы на местах.

В ноябре 1918 года в связи с прибытием в Баку войск союзных держав Бакинская полиция была переподчинена временному Комиссариату полиции союзных держав. Однако, несмотря на это, Садыкбек продолжает проводить в жизнь реформы в полиции.

По предложению Садыкбека 20 марта 1919 года заново были определены новые штаты МВД АДР. Была восстановлена при МВД АДР единая канцелярия. Учитывая рассредоточенность и недокомплектность сил полиции в регионах республик, он определяет для всех периферийных подразделений полиции количественный стандарт личного состава полиции, который составил 320 полицейских, из них 225 пеших и 95 конных городских.

11 июня 1919 года по его инициативе был образован при МВД АДР отдел общественной безопасности.

В августе 1919 года все тюрьмы были переданы Минюсту.

16 сентября 1919 года при МВД создается Особая Инспекция, которая должна была осуществлять надзор за исполнительской и поведенческой деятельностью руководящих кадров полиции.

Для сотрудников полиции Садыкбек Агабекзаде разработал систему классности. Например, уже в 1919 году в Азербайджане общая численность полицейских

достигла 9661 человек, из них 498 городских 1-го класса, 5089 городских 2-го класса 242 постовых 1-го класса, 243 постовых 2-го класса.

В период работы Садыкбека в МВД была разработана новая форма одежды со специальными нашивками, указывающими классность, стаж службы и звание.

Достаточно будет сказать, что только за один год, т.е. с 7 декабря 1918 года по 25 декабря 1919 года Парламентом страны было обсуждено и принято 24 закона по МВД.

По инициативе Садыкбека принятый закон от 17 марта 1919 года гласил: «Перевести в распоряжение Министерства сообщения кредиты, испрашиваемые на 1919 г. МВД, а также перевести весь личный состав в ведение Министерства путей сообщения». А закон от 17 марта 1919 г. гласил: «...отменяются ст.131, 138 и др., касающиеся отношения губернаторов и других органов МВД к почтово-телеграфному делу.

Деятельность руководителя ведомства в лице Садыкбека Агабекзаде, ответственного за работу полиции в период присутствия англичан в Азербайджане, была напряженной. Дело в том, что Бакинское и Балаханно-Сабунчинское полицмейстерства были с ноября 1918 по 1919 год подконтрольны временному Комиссариату полиции союзных держав. МВД Республики, осуществляя общее руководство, кадровые назначения, дислокации сил, приказы, распоряжения должно было

обязательно согласовываться с Комиссаром полиции полковником Кёккерелем. Распоряжения и приказание последнего нередко противоречили принятым решениям МВД Республики и не могли не беспокоить Садыкбека Агабекзаде. В связи с этим он неоднократно письменно выражал своё несогласие с теми или иными действиями со стороны руководства английской полиции.

В архивах Республики сохранились записи, свидетельствующие об этом. Вот одна из них: «На отношение вашего высокопревосходительства (Хойского) от 27 января за № 9 о сообщении всех выдающихся фактов вмешательства союзного командования и Бичераховского отряда в дела управления по ведомству МВД довожу до Вашего сведения нижеследующее: главное и коренное вмешательство союзного командования в деле вверенного мне ведомства (МВД) заключалось в том, что с высадкой союзных войск в Баку, район бывшего Бакинского градоначальства, охватывающий площадь территории радиусом в 15 вёрст, изъят из ведения МВД и подчинен генералу Томсону, объявившему себя военным губернатором указанного района.

Во главе всей полиции данного района был поставлен комиссар полиции союзных держав, которому были подчинены все чины полиции. Распоряжения и приказание этого комиссара, нередко идущие в отмену распоряжений и приказаний властей Азербайджанской

республики, беспрекословно исполнялись чинами полиции.

Вмешательство в этой области дошло до того, что даже перемещения и назначения чинов полиции комиссаром полиции требовалось делать лишь через его канцелярию.

Что же касается вмешательства Бичераховского отряда в дела ведомства, то из многих случаев вмешательства и столкновения чинов его отряда с полицией в городе Баку я укажу следующие факты:

1. Обстрел вокзала в ноябре прошлого года, повлекший за собой несколько человек раненых.

2. Разгром 4-го полицейского участка, повлекший за собой опять несколько человек раненых.

3. Захват правительственного гаража со всеми находившимися в нём исправными автомобилями.

4. Захват механического завода, принадлежащего Отто Генриху Каберу.

Прошу распоряжения о прекращении подобных некорректных и не достойных офицерского мундира образа действий господ офицеров, что производит на население самое тягостное впечатление».

9 марта 1919 года временный Комиссариат прекращает свою деятельность, а комиссар полиции полковник Коккерель слагает свои полномочия и возвращается в Иран. В этом промежутке времени Комиссариат полиции по заранее заключённому договору должен был передать все дела по городской полиции

представителям МВД АДР. Однако министр внутренних дел Х.Хасмамедов подал в отставку. Кресло министра внутренних дел в столь сложное для АДР время пустовало до 16-го апреля, т.е. 12 дней одно из самых главных ведомств страны находилось без руководства. И тогда всю ответственность за судьбу МВД АДР взял на себя Садыкбек Агабекзаде, кандидатура которого уже рассматривалась правительством на предмет перевода его на дипломатическую службу.

Правительство АДР было хорошо информировано о том, что Садыкбек был профессионалом в знании восточных языков, исламской палеографии, эпиграфике и каллиграфии. Кроме этого Садыкбек владел немецким, английским языками.

В начале октября правительство АДР дает Садыкбеку первое и сразу же очень ответственное дипломатическое поручение. Встретить в городе Батуми личного посланника президента США генерала Джеймса Харборта. Примерно с 4 по 10 октября Садыкбек находился рядом с посланником в качестве сопровождающего лица и руководителя личной охраны. Известно, что Харборт по прибытию в Баку остановился в доме Зейналабдина Тагиева. Говорят, что на одном из банкетов, посвященном визиту генерала Харборта, тот произнёс тост лично за Садыкбека, который в силу определённых обстоятельств отсутствовал на банкете. Харборт в своём тосте отметил, что Садыкбек – человек, наделённый огромными интеллектуальными возможностями,

что он (Харборт) ещё не встречал среди военных такого высокообразованного и интересного человека. Видимо, по этому случаю Мамедамин Расулзаде скажет слова, которые станут крылатыми: «Пусть переговоры начнут генералы, а затем дипломаты».

Фактов, доказывающих рассмотрение кандидатуры Садыкбека на различные руководящие должности, было много. Однако все эти предложения исходили из складывающихся временно чрезвычайных обстоятельств. Например, известно, что правительство АДР в октябре 1918 году вынуждено было назначить Садыкбека на должность и.о. министра обороны. Ситуация этого требовала. Однако под давлением Бехбуд ага Джаваншира его оставляют в должности вице-министра МВД АДР.

В архивах сохранились сведения, свидетельствующие о высоком военном профессионализме генерала в качестве организатора военного дела.

В конце 1918 года генерал Садыкбек в составе парламентской комиссии был послан в город Агдам в связи с волнениями в военном гарнизоне.

В книге А.Стеклова «Армия Мусаватского Азербайджана» (Баку, 1928 г.) был обнаружен письменный отчёт Садыкбека о состоянии дел в военном гарнизоне города Агдам. Генерал писал: «При исполнении возложенного на меня поручения, я вместе с членами парламента имел возможность попутно ознакомиться с обстановкой, условиями жизни и состоянием Агдамского

гарнизона. Считаю крайне необходимым довести до сведения правительства обо всём доложить следующее: Расквартирование гарнизона в Агдаме крайне скученное и неудобное. Войсковые части расположены в нескольких отдаленных друг от друга помещениях, люди лежат вповалку на полу почти сплошь. Нет приспособленной больницы, больные разных категорий лежат в одном помещении, заразные не изолированы, по заявлению генерала Эфендиева, люди не посещали бани неделями. Вообще, гигиенические и санитарные условия, при коих живёт войсковая часть в Агдаме, крайне неудовлетворительны. Обмундирование нижних чинов также поставлено очень плохо, лишь немногие имели казённое обмундирование, остальные же были одеты в своих рваных, не защищающих тело от холода одеждах. Это усугубляется ещё тем, что помещения не отапливаются. Тягостное впечатление произвёл на меня и членов парламентской делегации, при посещении нами Аскерана, расположенная там полурота Казахского пехотного полка. Мы застали полуроту, выстроенную к вечерней переключке, на некоторых, вместо казённых шинелей, были накинуты старые, рваные, по-видимому принесённые из дома одеяла, другие прикрывались от холода накинутыми на спины чужаками и мешками; у одного нога была совершенно босая. В общем, всё это представляло чрезвычайно печальную кар-

тину. Не было ни коек, ни постелей. Офицерское помещение было невозможное, не было ни кроватей, ни постели...

Причинами указанных выше явлений и дефектов в жизни и расположении Агдамского гарнизона служит отсутствие надлежащей заботливости о людях со стороны командного состава этого гарнизона».

После ухода англичан из Баку над АДР нависла серьёзная опасность. Угроза исходила от вооружённых до зубов активистов крайне-левого крыла большевистского подполья, которые имели очень сильное влияние в войсках.

Главное управление Генерального штаба Министерства обороны, в задачу которого входила борьба с большевизмом в войсках, вынуждено было в октябре 1919 года выйти с предложением к правительству о создании при МВД республики специального уголовно-розыскного отдела по линии, который играл бы роль политической полиции в войсках. При обсуждении данного вопроса Садыкбек был категорически против, так как идея создания азербайджанской национальной полиции в демократическом обществе изначально (после Февраля 1917 г.) исключила саму идею о политической полиции.

Деятельность Садыкбека Агабекзаде протекала в период великих исторических перемен для азербайджанского народа. Он был поистине героем того вре-

мени. Жизнь и время свели этого выдающегося человека с такими видными государственными деятелями Азербайджана, как: Фатали Хойский, Бехбуд Джаваншир, Халил Хасмамедов, Насиб Юсифбейли, которые, как и Садыкбек, стояли у истоков создания профессиональной регулярной национальной азербайджанской полиции.

Судьба Садыкбека распорядилась так, что в те тяжёлые и в то же время героические годы для истории Азербайджана ему пришлось работать в тесном контакте с видными личностями, имена которых записаны на страницах мировой истории. Это выдающийся военачальник Великобритании, генерал-майор, командующий войсками союзных держав блока АНТАНТА в г. Баку Вильям Томсон, шеф Особой колониальной полиции Великобритании, полковник Кёккерель, Комиссар временного Комиссариата полиции союзных держав в г. Баку, личный посланник президента США в Азербайджане генерал Джеймс Харборт и др.

Перечень заслуг Садыкбека Агабекзаде в деле организации профессиональной, национальной полиции Азербайджана на этом не заканчивается, они настоятельно требуют своего исследовательского продолжения.

К большому сожалению, великий учёный-востоковед, генерал, основатель и реформатор азербайджанской национальной полиции пока не стоит в ряду из-

вестных государственных деятелей, организаторов милицейского полицейского дела, таких, как: Халил Мамедов, Али Керимов, Махамед Ализаде, Ариф Гейдаров, Джафар Велиев, Рамиль Усубов. Однако мы – исследователи в области истории органов внутренних дел Азербайджана, уверены, что имя Садыкбека Агабекзаде будет реанимировано и поставлено в первые ряды среди всей плеяды видных организаторов милицеско-полицескоого дела. Придёт время, и его именем будут названы улицы в городе Баку и Гёокчае. Надеемся, в его честь назовут лучшее элитное подразделение азербайджанской полиции. Наконец, его фотография и биография займут достойное место в музее МВД Азербайджанской Республики.

Таир Бехбудов,
к.и.н., доцент кафедры
«Общественных наук»
Академии Полиции МВД
Азербайджанской Республики,
полковник полиции

ПРИЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ

Дед, Садыкбека Агабекзаде, по отцовской линии являлся муфтием мусульман Кавказа, у его сына – Гаджи Исмаила, было три сына – Хазратбек, Рагимбек, Садыкбек – которые, в конце XIX начале XX вв. внесли немалый вклад в общественно-политическую деятельность не только Азербайджана, но и многих других стран.

Хазратбек Агабекзаде – был крупным бизнесменом, миллионером. Занимался закупкой сельскохозяйственной техники в Англии и Германии, обеспечивая необходимой техникой крестьянство в г. Геокчае.

Рагимбек Агабекзаде – окончил Петербургскую Военно-медицинскую Академию, в дальнейшем стал генерал-майором медицинской службы. На церемонии вручения диплома военного врача, выпуска Военно-медицинской Академии, присутствовал российский царь – Николай II. В один ряд построили пять человек, окончивших Военно-медицинскую Академию на «отлично». Когда Николай II спросил, кто из этих пятерых врачей самый талантливый, начальник Академии указал на Рагимбека Агабекзаде. В дальнейшем он стал одним из врачей царской семьи России. К сожалению, его дальнейшая судьба неизвестна.

Сын Рагимбека – *Гусейнбек Агабекзаде* окончил Азербайджанский медицинский институт. Многие годы он был заведующим кафедрой, профессором этого же института. В годы Великой Отечественной войны Гусейнбек Агабекзаде с первого дня и до конца войны был начальником фронтового госпиталя, спас жизни сотням советским воинам. После войны вернулся в Баку, продолжил свою работу. Заведовал кафедрой, также был главным врачом больницы. Скончался в 1956 г.

Его дочь *Рена ханум Халилова* – пошла по стопам отца и деда. Она окончила в 1963 г. Азербайджанский Медицинский институт. С 1965 г. преподает в Азербайджанском Государственном педагогическом институте.

Сын Рены ханум – *Эльчин Халилов*, Президент Глобальной Сети по Прогнозированию Землетрясений, Вице-президент Международной Академии Наук Н&Е, Президент Всемирной Организации по Научному Сотрудничеству, Генеральный директор НИИ по Прогнозированию и Изучению Землетрясений, Академик МАН и Российской Академии Естественных Наук, доктор геолого-минералогических наук.

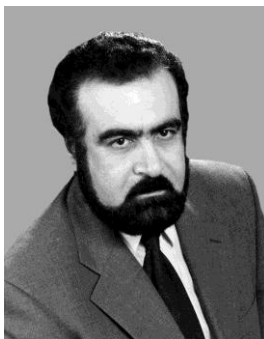

**Мамед Садыкбек
Агабекзаде**
*Генерал-майор,
вице-министр внутренних дел*

**Гусейнбек
Агабекзаде**
Профессор медицины

Эльчин Халилов
*Академик МАН и Российской Академии
Естественных Наук,
доктор геолого-минералогических наук*

Алибек ГУСЕЙНЗАДЕ (1864-1940)

Алибек Гусейнзаде родился 24 февраля 1864 года в Сальяне.

Азербайджанский поэт, ученый, публицист, врач, художник, просветитель. Знаток мировой литературы, лингвист, прозаик, поэт, переводчик А.Гусейнзаде старался довести до сознания тюркского народа идеи национальной независимости и свободы. Он как литератор в своих статьях не только пропагандировал мировую культуру, но и считал необходимым изучать её достижения.

Главный редактор журнала "Фиюзат" поэт и публицист Алибек Гусейнзаде оказывая влияние на определенную часть общества, в своей общественно-политической деятельности выступал с пропагандой просвещения народа и знаний, реагируя на события общественной и политической жизни с радикальных позиций.

Алибек Гусейнзаде слыл широко образованным человеком (учился в Тифлисе, Санкт-Петербурге, Стамбуле), знал ряд восточных и европейских языков, испытывал интерес к мировой классике (Гомеру, Данте, Вергилию, Шекспиру, Шиллеру, Байрону), многих читал в оригинале. Известны его переводы из Омара Хайяма, «Фауста» Гете, стихотворения Г.Державина. Он проявлял большой интерес к искусству, увлекался живописью, играл на скрипке, сочинял стихи. Как медик (он окончил медицинское отделение Стамбульского университета) он проделал большую работу по пропаганде медицинских знаний, издал ряд трудов в этой области. Работал над изучением кожно-венерических заболеваний и холеры, именно этим темам была посвящена его докторская работа.

Живя в Турции, он стал одним из создателей партии «Иттихад ве терегги» («Единение и прогресс»), программой которой стало единение всех тюркоязычных народов (так называемая «идея пантюркизма») вокруг Турции и создание «Туранской империи».

С 1905 года Алибек Гусейнзаде и Ахмедбек Агаев стали соредакторами газеты «Хаят» («Жизнь»), издаваемой на деньги миллионера Гаджи Зейналабдина Тагиева.

Активно занимаясь журналистикой, он публиковал статьи и обзоры на политические, культурно-просветительские, литературные, философские и медицинские темы, создав ряд публицистических статей, научных трудов, очерков, стихов и переводов.

Приверженность к общетюрским и национальным идеалам, выраженная в его творчестве и встреченная неоднозначно в азербайджанском обществе начала XX века, была в то же время своеобразной реакцией его и его единомышленников на проводимую царизмом и западными державами колонизаторскую политику на Востоке.

В очерках и статьях, опубликованных на страницах газеты «Хаят» в 1905-1907-х годах, он клеймит империалистов, осуждает колонизаторскую политику царизма на Востоке.

Среди немногих его художественных произведений можно выделить «назире» (подражание) «Человеку в футляре» А.П.Чехова – повесть «Пленник футляра» и памфлет», «Политика гарцевания на коне».

В 1906 году Алибек Гусейнзаде начинает издание журнала «Фиюзат» («Благо»), также финансируемое Г.З.Тагиевым и содержащее статьи и международные обзоры, в которых Алибек Гусейнзаде – публицист подвергает критическому разбору события, связанные с политикой русского самодержавия на Востоке, деятельность II

Государственной Думы, «Союза русского народа», произвол черносотенцев, экономическое положение трудящихся, бюджетную политику правительства и др. (журн. «Фиюзат», 1907, № 14).

«ФИЮЗАТ», азербайджанский литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный еженедельник. Издавался в Баку в 1906-1907 под ред. Алибека Гусейнзаде. Писатели и публицисты (Г.С. Айвазов, А. Кямал, А. Раиг и др.), объединившись вокруг «ФИЮЗАТ», пропагандировали классовый мир, пан-исламистские, пантюркистские идеи. В журнале сотрудничали и прогрессивные писатели: Г. Зардаби, М.А. Сабир, М. Хади, Г. Джавид, А. Шаиг, А. Сих-хат и др. Иногда журнал выступал против национально-колониального гнёта царизма, иранского и турецкого деспотизма, писал о некоторых вопросах азербайджанской культуры. Язык «ФИЮЗАТ» был сугубо литературным, с преобладанием арабской и персидской лексики.

Редактор «Фиюзата» Алибек Гусейнзаде провозглашал: какой смысл писать о том, что мы видим, что есть, надо писать о том, что мы можем представить, домыслить. И «Фиюзат» последовательно воплощал эту программу, формировал литературу, далекую от конкретных жизненных проблем, от реальных нужд и забот народа. Эстетское служение красоте, культ изысканного слова, переусложненность языка, снобистское отношение к демократической литературе – вот принципы «Фиюзат».

И в то же время, когда особенно обозначались социальные и идейные противоречия в стране, Алибек Гусейнзаде провозглашает идею классового примирения («Спасение – в любви»). В статье «Мы критикуем, нас критикуют» Алибек Гусейнзаде выдвигает следующую прог-

рамму: «Путь «Фиюзата» – это путь тюркизации, исламизации и европеизации, тюркское самоощущение, исповедование ислама и приобщение к подлинно европейской культуре» (журн. «Фиюзат», 1907, № 23, 26 июля).

В последующие годы, занимаясь педагогической деятельностью и продолжая публиковать свои статьи и работы на страницах газет и журналов того времени, он приходит к решению переселиться в Турцию (1910 г.), где остается до конца своих дней.

Став профессором университета в Стамбуле и членом руководства партии младотурок, он совместно с Ахмедбеком Агаевым, Мамед Эмином Расулзаде и другими участвует в деятельности кружка «Тюркский очаг», печатает статьи и стихи на страницах турецких газет и журналов.

Художник Алибек Гусейнзаде создал в начале XX века жанровые картины («Азербайджанская семья»), пейзажи («Мечеть в Биби-Эйбате»), портреты («Портрет Шейх-уль-ислама») масляными красками.

Именно Али бек Гусейнзаде является автором флага, в котором отражены идеи тюркства, ислама и прогресса.

Алибек Гусейнзаде скончался в 1940 году в Стамбуле и был похоронен на кладбище Гарачаахмед. В городе Сальяны ему был воздвигнут памятник.

Письма
Мамед Садыкбека Агабекзаде
к Алибеку Гусейнзаде
(1921–1937)

6 сентября 1921 г.

Как бы праздничным подарком явилось для меня, дорогой Али бей, твое письмо, написанное на кануне Курбан-байрама. По правде говоря, я совсем забыл о нашем байраме, и твоё письмо напомнило мне о нем и привело на память прошлогодний «курбан», который мы так мило провели всей семьей.

Недалеко от меня сквер «Ламартин» специально для детей; я часто там сижу, и играющие дети напоминают мне твоих милых детишек, близких и моему сердцу. Скажи им, что я их очень люблю и очень хочу их видеть, скучаю по ним и, бог даст, когда вернусь отсюда, если даже не будет «курбана», мы зарежем барана.

Что тебе написать о Париже? Жаль, что ты его не видел. Город сам по себе по своей наивысшей культурности, идеальной чистоте, бульварами, великолепному Булонскому лесу – бесподобен; я много читал и слышал от других о нем, но действительность превзошла все мои ожидания. Здесь можно жить, месяцами нигде не бывая, никого не видя и лишь любоваться природою и человеческим искусством. И я здесь почти никого не вижу – в делегации был только один раз по приезде и второй раз, уже после величественного и замораживающего приема Топчибашева, меня туда не тянет. Из азербайджанцев встретил лишь случайно на улице братьев Гаджинских – Бакинских богачей – и Фарис бека Векилова. Случайно узнал, что сюда же приехали Хасмамедов, Амирджанов, Мешеди Али Рафиев и Багир Рзаев; но они у меня не были, и я их тоже не ищу. Они приехали за деньгами, но, кажется, пока

ничего не выходит. Я недели две как переменил квартиру. Живу теперь в нескольких минутах ходьбы от Vois de Boulogne. Комната у меня очень хорошая, большая, светлая, с хорошей обстановкой. Это бывший кабинет умершего известного французского доктора по нервным болезням – Descourtis, в квартире вдовы которого я и поселился. У меня в комнате на обширных этажерках масса книг, главным образом, по медицине. Вот бы тебе был материал для чтения! Обедал до сих пор у Кришвец, но так как они с меня ничего не хотели брать, то я не счел удобным пользоваться их гостеприимством до бесконечности и поэтому отказался и обедаю теперь в русской столовой, которую содержит один очень добросовестный полковник и очень хорошо и дешево кормит. В общем, жизнь мне здесь обходится около 60-65 лир на турецкие деньги. Но по самым достоверным данным жизнь в Германии, даже в оккупированной Францией части, намного дешевле. Например, в Висбадене можно хорошо жить на 200 фр. в месяц, т.е. на 25-30 турецких лир. Поэтому у меня есть предложение, если здесь не будет для меня подходящего дела, на зиму переехать в Висбаден.

Кроме природы климат здесь чудный, нет совершенно сырости, нет резких перемен температуры. Хотя в июле недели две были жаркие дни, но для меня они были не чувствительны. Нет никаких moskitov, тем более клопов и т.п. Поэтому я отлично себя чувствую и поправился.

Беспокоюсь очень о наших кавказских родных; по газетам там тоже голод и холера. Пожалуйста, постарайся всегда иметь от приезжих оттуда сведения

о наших и сообщи мне, что узнаешь. Баба, по-видимому, сюда не приезжал, т.к. у меня не был.

От Хейдар-Рифат бея получил очень милое письмо, но, к сожалению, письмо как-то при переезде из одной квартиры в другую затерялось и с ним вместе, конечно, его адрес. Ввиду этого я не мог ему лично ответить. Поблагодари его от меня за любезное внимание, сердечно приветствую его с семьёй и целую ручку Ханум-Эфенди; если здесь им что-нибудь будет нужно, то я всегда к их услугам, и исполнить поручение Хейдар-Рифат бея доставит мне большое удовольствие. Только попроси его, если напишет мне, то пусть пишет по-французски, ибо турецкий его почерк я с большим трудом разобрал. Чем кончилось дело Джеванишира, которое ведет Хейдар-Рифат бей?

Очень меня огорчают и волнуют известия об Анadolу; по здешним газетным сведениям греки двигаются уже на Анкару; так ли?

Ну, кажется, «отписал» обо всем. Крепко тебя обнимаю, целую ручки Валиде-ханум и Эхдил-ханум; приветствую Саадат-ханум; крепко целую детей, по меньшинству, Фейзавер, Мамед-Селим и Саиде, а также шлю «салям» вашей домохозяйке, Ситаре-ханум, Джафар бейю, Курбановым, Керим бейю и Везирову. И особый привет Зейнаб. Зинаида Михайловна шлёт вам всем привет.

Мой адрес:

Mr Sabek.

Passy, 129 rue de la Tour

Paris

Любящий тебя брат

(подпись)

Р.С. Послали из здешней делегации какую-нибудь субсидию Ситаре-ханум и тебе?

Я посылаю тебе письмо через Сулейман бея Мамедова, также как и Мусса бею Рафиеву. Пожалуйста, передай Сулейман бегу мой привет, извинение за беспокойство и просьбу не отказать и в дальнейшем передать тебе и Муса бегу мои письма.

Передай мой привет Абдулла-Джевдет бегу и его супруге.

7 сентября 1921 г.
Париж.

Я тебе пишу, дорогой Али бей, дубликат того письма тебе же, которое я написал вчера, т.е. 6-го числа, и которое я уронил на улице, когда шел, чтобы опустить его в почтовый ящик. Могло случиться, что оно попало бы какому-нибудь порядочному человеку, который мог его опустить в первый же почтовый ящик, т.к. на конверте были наклеены марки и был адрес, и, таким образом, письмо могло дойти по назначению; а могло и быть так, что нашедший письмо человек зазрелся на марки, отклеил их, а письмо разорвал и бросил. Итак, если мое письмо от 6 сентября до тебя дошло, то это письмо ты можешь, не прочитывая, разорвать и тоже бросить, т.к. дальше будет приблизительно повторение того, что было в письме от 6-го числа.

Твое письмо, дорогой Али бей, очень порадовало меня и явилось как бы праздничным подарком. Оно напомнило мне прошлогодний курбан-байрам – все же прочти, ибо в конце есть дополнения – байрам, который так мило мы провели все семьей. Я живу теперь недалеко от сквера «Ламартин» где, главным образом, бывают дети. Я часто там сижу и люблюсь детьми, которые мне напоминают твоих детей, милых и моему сердцу. Скажи им, что дядя Садыкбек их очень любит, хочет их видеть и скучает по ним и что когда, бог даст, вернется отсюда, если даже не будет «курбана», зарежем барана.

Что тебе написать о Париже? Очень жаль, что ты не видел его, а он стоит того, чтобы хоть раз в

жизни его посмотреть. Сам по себе город этот – культурнейший центр, масса красивейших памятников, поразительная чистота (моют каждую субботу тротуары и дворы, как у нас комнаты), масса воздуха, чудные бульвары и великолепный рядом с городом Bois de Boulogne, где изумрудная зелень, пруды, озера с дикими лебедями и утками, не боящимися людей, ибо публика, и малая и большая, их все время кормит.

Я много читал о Париже и слышал от других, но действительность, вопреки обычному явлению, превзошла намного читанное и слышанное. Здесь можно жить, месяцами нигде не бывая, в смысле развлечения, никого не видя и не чувствовать скуки, ибо искусство и природа являются вполне достаточными удовлетворениями.

Жизнь в Париже, который является, конечно, самым дорогим городом во Франции, все же дешевле, чем в Константинополе. Я недели две как перешёл в новую квартиру, очень близко от Bois de Boulogne, в одной из лучших частей города – Passy. Занимаю большую комнату с венецианским окном на улицу, прекрасной обстановкой; это бывший кабинет известного французского доктора по нервным болезням – Descourtis, в квартире вдовы которого я и поселился. В моей комнате масса книг по медицине (вот бы для тебя была масса материала для чтения).

Обедал раньше у Кришвец, но теперь обедаю в другом месте, ибо Кришвечи не хотели с меня ничего брать, и я считал неудобным пользоваться до бесконечности их гостеприимством. В месяц жизнь обходится здесь мне, включая все расходы, около 50-60 лир

на турецкие деньги. Но по самым достоверным сведениям жизнь в Германии, даже в оккупированной французскими частями, намного дешевле. Там можно хорошо жить лир на 25-30, а потому у меня есть предложение на зиму переехать в Висбаден.

Климат здесь очень для меня подходящий, почти никакой сырости даже в Булонском лесу; температура чрезвычайно равномерная, нет никаких москитов, ни клопов и т.п. А потому с тех пор как я здесь, отлично себя чувствую и, кажется, порядочно поправился.

Из наших соотечественников почти никого не видел. Приехал сюда, как мне сообщили Хасмамедов, Мешеди Али Рафиев, Амирджанов, Багир Рзаев и др., но они у меня до сих пор не были, и я их не ищу.

В делегации был только раз, как тебе уже писал и после оказанного мне замораживающего приема (когда было ясно подчеркнуто, что я для них совершенно чуждой, и даже была разыграна инсценировка, что меня не узнают) меня, естественно, уже туда не тянет. Бог с ними, предпочитаю даже поголодать, чем идти с поклонами. Кстати, не послали ли они, по крайней мере, тебе и Ситаре-ханум какую-нибудь субсидию?

Получил от Хейдар-Рифат бея очень милое письмо, но при переезде из одной квартиры в другую потерял письмо (ну ты, наверное, подумаешь – ротозей, все теряет письма) и вместе с ним его адрес. Будь так добр, милый, передай ему мою благодарность за память и мой сердечный привет ему и его семье. Целую ручки Ханум Эфенди и прошу, если им здесь что-нибудь нужно будет, чтобы не стеснялись; я всегда с особым удовольствием исполню их поручение. Только попроси,

чтобы Хейдар-Рифат бей писал бы мне по-французски, или же если по-турецки то более ясным почерком, ибо его почерк я с большим трудом расшифровал. Чем кончилось дело Джеванишира, которое ведёт Хейдар-Рифат бей?

Письма тебе я посылаю, так же как и Мусса бёю, через Сулейман бёя Мамедова. Я извиняюсь перед ним за беспокойство, передай ему мой привет и просьбу, чтобы и в будущем не отказывал бы от труда по передаче моих писем. А может быть ты найдешь, более удобным, чтобы твои письма я посылал через Курбановых – тогда сообщи мне об этом.

Очень меня беспокоят здешние газетные сообщения о голоде и холере в Баку. Так ли это? Пожалуйста, старайся узнавать всегда известия о наших родных от приезжих и поставь меня в известность. Как дела в Анатолии¹; здесь сведения очень неутешительные, вчера даже писали о взятии Анкары, так ли?

Ни от Бахрама, ни от Бабы никаких сведений не имею.

Ну, пока довольно, до свидания, милый и дорогой Али бей, крепко тебя обнимаю. Как здоровье семьи, неужели также часто болеют, как и в прошлом году? Целую ручки Валиде-ханум, Эхдил-ханум. Приветствую Саадат-ханум и Энделиб-ханум. Целую детишек, по меньшенству; Фейзавер, Мамед-Селима и умницу Саиде. Привет Зейнаб; мой «салям»: домохозяйке, Ситаре-ханум, Джафар бёю, Абдулла-Джевидет бёю с супругой, Везирову, Керим бёю и Хашим бёю.

¹ Анатолия – город в Турции.

Какие известия от Ахмед бека, чем он там занят? Попроси Ситару-ханум, когда напишет ему, передать мой привет и сказать, что его пожелание чтобы я поставил в известность А.М. Топчибашева о материальном положении его семьи и о необходимости оказания денежной помощи я исполнил, но какой результат вышел из этого, я не знаю.

*Мой адрес:
Mr. Sadek-bey
Passy, 129 rue de la Tour
Paris*

Зинаида Михайловна шлет вас всем сердечный привет. Любящий тебя твой брат

Садык

P.S. Передай мой салям Нури бею, Нисе-ханум, Бехидже-ханум и Хикмет бею.

*10 ноября 1921 г.
Париж, 129 rue de la Tour.*

Всему есть предел; пришел предел и моему терпению в ожидании твоего письма; я несмотря на то, что знаю твою нелюбовь к писанию писем, начинаю уже сильно беспокоиться – не случилось ли у вас там что-нибудь неприятное, с тобой ли, с семьей ли; что является причиной твоему долгому молчанию.

Милый мой, нельзя ведь делать всегда только одно приятное, не будь таким эгоистом (хотя, откровенно говоря, и считаю тебя образцом эгоизма), а снизойди иногда и к положению людей, любящих тебя и твоих, не обладающих таким невозмутительным спокойствием как ты, а потому начинающих беспокоиться, тревожиться и волноваться за любимых лиц, когда долго не имеют от них новостей. Скажешь, пожалуй: «не было печали, черти накачали»; вот человек, лезет со своей любовью, говорит на этом основании мне массу неприятностей и нарушает мой покой. А все же я уверен, что прочитав это вступление, заговорит у тебя совесть и заставит тебя взяться, наконец, за перо.

Мусса бей более внимателен ко мне, чем ты, от него я получаю письма и, таким образом, не совсем оторван от Константинополя и Кавказа. Но о моих братьях и он ничего не мог сообщить, так как, по его словам, приезжие из Кавказа – все такие лица, которые не знают моих братьев. Не получил ли ты о них, об Исмаил бее и Султан бее каких-либо сведений? Дал ли ты им знать, т.е. моим братьям обо мне, как я просил тебя об этом, уезжая из Стамбула? Думаю, что

ты об этом также забыл, как и вообще забыл обо мне. Очень прошу тебя, постарайся дать им обо мне сведения, сообщив, что я уехал из Константинополя в Париж по климатическим условиям, так как около полугода болея в Константинополе. Сообщи им, что я страшно тоскую по ним, что от них не имею очень давно никаких сведений и желаю лишь одно и об одном молю бога ежедневно, чтобы хоть до смерти повидаться с ними.

На здоровье не могу жаловаться, чувствую себя хорошо, не болею и не ною. Хотя здесь уже начались холода, но у меня в комнате очень сухо и довольно тепло; топлю камин каменным углём. Недели три тому назад почти совсем собрался уехать отсюда в Висбаден, а оттуда в Дармиштадт, где Бахрам, так как там жить гораздо дешевле, чем здесь. Списался с Бахрамом, и он сообщил мне все необходимые сведения. Но накануне отъезда возникли некоторые обстоятельства, которые удержали меня ещё здесь на некоторое время. Бахрам здоров, летом он был на практических работах на одном из заводов около Дармиштадта.

При последнем свидании с Алимардан беком он мне передал, что с Халил беком послал тебе некоторую сумму; я его горячо благодарил. По всей вероятности, ты его поблагодаришь от себя.

Как твои дела материальные, в таком же плачевном состоянии как у меня или лучше? Как здоровье семьи и детей; устроил ли ты какое-нибудь отопление на зиму, ведь, наверное, у вас тоже начались холода и сырость.

Сердечный привет шлю Валиде-ханум, Эхдил-ханум, Саадат-ханум, Энделиб-ханум, целую крепко Фейзавер (наверное, она уже бегает и говорит все), Мамеда и Саиду. Привет Зейнаб, твоей хозяйке, Джафарбею, Ситаре-ханум и всем, кто обо мне помнит.

Крепко тебя обнимаю и целую, мой милый Али бей, не обижайся на моё ворчание, оно идёт от любящего сердца.

*Хар чи мирасад аз дуст, нукуст.
Любящий тебя Садык.*

*Мой адрес: Paris.
Passy 129 rue de la Tour
Sadek-bey.*

Сообщаю на всякий случай адрес Бахрама, т.к. он его переменял.

*Allemagne. Darmstadt.
Heinrich str. 152^{II} (Slive de Polytechnique).*

Это письмо посылаю по адресу Сафтар бея Курбанова, которому посылаю открытку.

Сообщи, пожалуйста, сколько писем ты получил от меня до этого письма. С этим письмом должно было быть всего три. От тебя же я получил только одно.

10 декабря. Париж. 1921.

Дорогой Али-бей!

Получил твоё письмо от 15-го ноября. Ты придержишься русской поговорки – «редко, да метко». Ты редко пишешь, но зато раз возьмешься за перо – отписываешь обо всем. Спасибо за это. Недаром долго не получал от тебя известий. Я начинал тревожиться, предчувствие предсказывало мне, что у вас не совсем благополучно; так оно и оказалось – были больны дети и Саадат-ханум. Благодарение богу, что все кончилось благополучно.

Иногда бываю у Али Мардан бека; последний раз он передавал о твоём письме и прочел некоторые отрывки из него, где ты упоминал, между прочим, обо мне и в оправдание высказанного мною в последнем письме мнения о тебе как об образцовом эгоисте, обещаешь показать себя примерным альтруистом. Да поможет тебе господь, милый Али бей, в этом благом намерении.

Но имей в виду, что бог оценивает людей не по словам, а по делам их. Значит, поживем – увидим. Рад был узнать, что ты взялся за настоящее дело; возобновил работу по своей специальности: журналистике и медицине. Дай бог успеха!

Огорчен был известием о смерти бедного Джафар бей. Жаль его потери как хорошего, доброго и отзывчивого человека. Аллах рахмат елясин. Вспомнил отрывок из Пушкина: «Все мы сойдем под вечные

могилы, и чей-нибудь уж близок час...». Если бы никогда не забывали бы о смерти, они были бы гораздо лучше, не было бы многих зол и многих преступлений.

Хайдар-Рифат бея я до сих пор не видел; выехали ли он оттуда, как ты мне писал в последнем письме? Очень было бы жаль, если бы он ехал отсюда, не повидавшись со мною. Я рассчитывал на него, что может быть он меня познакомит с прибывшим сюда представителем Ангорского¹ правительства, кажется, по имени Шевкет-бей.

Амирджанов, по-видимому, уклоняется от истины, говоря, что был у меня 2 раза. Едва ли бы он меня и вспомнил, ибо он, к сожалению, как я убедился, принадлежит к категории людей, которые ищут знаковых постольку, поскольку они могут быть нужны по материальным соображениям. Я бы при настоящих условиях для него был бесполезен. С грустью должен признать, что вообще среди наших азербайджанцев в этом отношении имеются лишь редкие исключения.

Напиши, как устроились на зиму, поставил ли где-нибудь печку, и тепло ли теперь у вас.

С Бахрамом беком посылаю письмо братьям и прошу его о моих братьях и сестрах сообщить письмом из Баку тебе. Думаю, что он это не помнит. Он дня через два выезжает отсюда в Берлин, а оттуда через Константинополь в Баку. Ты его попроси от себя

¹ Наверное, имеется в виду турецкое или иными словами анкарское.

о том же. Он долго лежал здесь больным в клинике, но, слава богу, поправился.

Сердечно приветствую Валиду-ханум, Эхдил-ханум, целую их ручки; привет Саадат-ханум, Энделиб-ханум; крепко обнимаю детей и тебя. Привет Зейнаб.

Сердечно тебя любящий Садык.

*Во всяком случае, до 15 марта
еще пробуду в Париже*

26 февраля 1922 г.

Дорогой Али бей!

Как давно я тебе не писал! Но не подумай, милый, что это было потому, что я вас забыл, не вспоминал. Нет, причина была иного свойства, более душевного, чем физического. Чем дольше я не писал, тем чаще мысленно я был с вами. Ты удивишься, если я скажу, что причиной моего долгого молчания именно и было то, что я последнее время особенно затосковал по родным лицам и друзьям. Я особенно почувствовал ранее не так сильно ощущаемую мною болезнь, называемую la nostalgie. Я теперь знаю проявления этой болезни; это – отсутствие всякой энергии, паралич воли, полный индифферентизм и гнетущая душу какая-то неопределенная, беспокойная тоска. Я каждый день мысленно вёл с тобой долгие беседы, а вот взяться за перо, написать письмо я не мог себя заставить и все откладывал и откладывал.

Это душевное состояние усугубляется особенно тем, что я не предвижу конца своему скитанию и невольному изгнанию из родины. Сколько времени протянется еще это положение, ведомо одному богу. А между тем день идет за днем, месяцы следуют за месяцами и годы за годами. Сидишь без дела, без определенных занятий, не потому что не хочешь работать, а потому что нет никакой возможности найти работу; средства к жизни постепенно иссекаются, а что дальше – не известно. Хорошо, если с полным истощением средств иссякнут параллельно и жизненные

силы, и естественным путем перейдешь в другие неизвестные нам миры. Пока же, чтобы дольше протянуть время, я опять надумал ехать в Германию, где жизнь всё же дешевле чем здесь.

Как я тебе писал, я хотел еще в конце прошлого года переехать в Германию, но тогда Али Мардан бек отсоветовал мне это, сказав, что лучше, если я месяц-другой ещё подожду здесь, что, может быть, делегация добудет средства и тогда могут мне помочь. Теперь надежды исчезли, средств у делегации нет, и они с марта уже перестают выдавать какую-то ни было субсидию кому бы то ни было.

Я дней десять тому назад написал в Дармишадт Бахраму, прося его сообщить мне сведения о жизни в Дармишадте, но ответа от него до сих пор не получил. Пока не знаю куда поеду, есть несколько предложений, но наиболее вероятное – это Баден. Во всяком случае я тебе, конечно, сообщу когда поеду, а также свой новый адрес.

Твое последнее послание, полученное мною 20 января, меня очень порадовало; кроме письма от тебя там было и письмо от Газрата и записки детей. Но твоего письма, посланного чиновникам французского консульства, ни журнала «Эджтехад» я не получил. Меня огорчило сомнение Эхдил-ханум в моих к ней чувствах. Я должен откровенно сознаться, что я к Эхдил-ханум чувствую не только глубокое уважение, но и самую сердечную искреннюю признательность, и преданность за её высокие душевные качества. Если я иногда бывал, не доволен тобой и брюзжал на тебя, от Эхдил-ханум же я всегда встречал полное внимание и предупредительность, был всегда ею доволен и удивлялся её

широкому невозмутимому терпению, всегда безропотно выносящему мои капризы во время моей болезни. Я ей не пишу только потому, что по-турецки не могу так хорошо выразить свои мысли как по-русски. Мои письма к тебе обращены не только к тебе одному, но и ко всей семье, которых я не отделяю от тебя. И я уверен в том, что мои письма ты читаешь им от первой до последней строчки.

Письмецо Саида и Мамеда рисунок меня очень тронули, я им посылаю при этом письме комические открытки.

Я передал твой «салам» Топчибашевым, они тоже тебе кланяются.

Был ли у тебя студент-сальянец, который поехал отсюда в Баку за деньгами? Я с ним тоже послал письмо братьям. Не знаешь ли что-нибудь новое о моих братьях? Пишешь ли ты им иногда? Шлю сердечный привет всем родным и знакомым. Целую ручку Валиде-ханум, Эхдил-ханум; приветствую Саадат-ханум, Энделиб-ханум. Особый привет Зейнаб. Крепко-крепко целую милую Фейзавер. Поклон Ситаре-ханум и Дживжет бею.

*Обнимаю тебя, сердечно тебя любящий
Садык.*

Поклон Курбановым.

31 марта 1922 г.

Только что получил, дорогой милый Али бей, пересланное из Парижа твоё письмо от 22 марта. Оно доставило мне огромное удовольствие и очень порадовало меня тем, что у вас все благополучно, дети и семья здоровы, а также живы и здоровы наши родные на Кавказе. Последнее время долго не получал от тебя известий. Я уже начал по обыкновению своему бить тревогу и беспокоиться, и твоё письмо явилось для меня большим успокоением. Взаимно поздравляю тебя, семью, милых моих племянниц и племянника с истекшим Новруз байрамом, праздником весны, и от всей души желал бы, чтобы будущий Новруз удалось нам встретить вместе. Милую Фейзавер целую крепко за её пророчество, оно оправдывается – ведь она не сказала, когда именно я сяду на пароход.

Хотя по календарю уже наступила весна, но погода у нас, т.е. здесь, на юге Франции, около благословенной и цветущей Ниццы, где я сейчас нахожусь совсем невеселая: идут все время дожди, сыро и холодно, а в Париже даже настоящая зима со снегом и стужей.

Как я писал тебя в последнем письме, по материальным соображениям мною было решено покинуть Париж и переехать куда-нибудь, где жизнь подешевле, а именно: в Германию (куда меня очень не тянуло ввиду незнания немецкого языка) или же в провинцию Франции. За это время, пока я был в нерешительности, куда именно ехать, явились некоторые преходящие обстоятельства. Случилось это так: я зашел как-то к Али Мардан бей, чтобы проститься с ним и с его семьей.

От него узнал, что один из моих коллег по Институту Восточных языков некто барон Ховен имеет небольшое имение около Ниццы, где и живет, и что он очень расположен к мусульманам и азербайджанцам. Али Мардан бей посоветовал мне списаться с ним и попросить его – не устроит ли он меня где-нибудь около себя. Я так и сделал. Барон Ховен ответил мне чрезвычайно предупредительно и любезно, приглашая меня приехать к ним непременно погостить на несколько недель и обещал устроить затем меня в Ницце или около, не дороже 25-300 франков (30-35 лир) в месяц на всем готовом.

Вследствие этого я, распростившись с Парижем, выехал оттуда 16 марта и 17-го уже был в Vallauris у барона Ховена, где нахожусь и теперь, и несмотря на мое настояние не злоупотреблять их гостеприимством и переехать в Ниццу, меня гостеприимные хозяйева не отпускают, но я думаю все же через несколько дней переехать туда. Как тебе известно, Nice¹, расположенная на берегу Средиземного моря, вследствие теплого климата является зимним курортом. Летом же, с апреля по октябрь, очень многие оттуда уезжают, город пустеет и вместе с тем сильно дешевеет жизнь. Vallauris, где я сейчас гощу, это большой французский «bourg» посредине между Cannes и Nice.

Теперь скажу несколько слов о бароне Ховене. Это русский полковник; он говорит, что, может быть, ты его знаешь по Баку, где он служил до 1900 года при губернаторе, великолепно владеет языками: французским, английским, немецким и персидским. Но, что удивительнее и симпатичнее всего, он, будучи в

¹ Nice (фр.) – Ницца

Баку, еще в 1897 году принял по глубокому убеждению мусульманство, совершив чуть ли не в 35-летнем возрасте «суннат»¹. И это он сделал, когда действовали русские законы, наказующие за это каторжной работой. Хотя и доносили о перемене им религии начальству, но это казалось таким невероятным событием, что никто этому слуху не верил и не придавал значения. Его мусульманское имя Мансур, а так как отца звали Николаем и он был в Иерусалиме, поэтому он называет себя Мансур Николай-Мукдуси оглы. Дочь, одного года, назвал Айша, что мне напоминает покойную мою Айшу. Он строго придерживается вегетарианства и никоим образом не ест мяса, тем более резанного не мусульманином. Страшно любит мусульман, турок, в частности и Азербайджан, и считает себя его подданным; одним словом – это очень интересный и редкий тип...

Он просит передать тебе привет и прислать для прочтения вместе со мной один из последних номеров ангарских газет по поводу последнего постановления Entente² о греко-турецком перемирии. Он просит также передать его привет Ахмед беку Агаеву, которого он знает. Передай и от меня привет и Ахмед буге и Ситаре-ханум.

Теперь о нашем Бахраме. Я получил от него в начале этого месяца подробное письмо, где он описывает своё безвыходное материальное положение вследствие истощения субсидии, выданной доктором

¹ Суннат – обряд обрезания

² По всей видимости, это слово означает не что иное, как Антанта (М.А. – А.А.).

Ахундовым. Писал, что деньги у него кончатся в середине марта и что дальше, если он не получит помощи, должен будет распродать вещи и выехать на Кавказ, не сдав экзаменов, которые начнутся у него после 20 апреля. Поэтому просил, не могу ли я оказать содействие, выслав ему 400-500 франков. Получив такое письмо и имея в виду серьезность его положения, а главное – необходимость сдачи экзаменов – я, несмотря на своё тяжелое материальное положение, послал ему 8 марта 3000 марок с тем, чтобы он вернул мне их, если получит новую субсидию от Азербайджана или же вышлет из Кавказа, если поедет туда. После этого, известий от Бахрама не имею.

Спасибо за «Иджтихад», которой я получил и один экземпляр передал Топчибашеву. Поздравь отменная Хайдар-Рифат бея и Курбановых с выдачей замуж дочерей, если это поздравление принято по нашим обычаям.

В Париже некоторые лица получали по почте письма из Кавказа, а из России сплошь да рядом. Поэтому я решил послать письмо братьям в Баку по почте, но так как я не знаю точно их адреса, но знаю, что они живут у Ашраф бея Ахмедова, мужа Шейдыханум, на Тазапирской улице, то вместе с этим письмом пишу письмо Аграфу, адресуя – Баку, ул. Тазапир (номера не знаю), надеюсь, что, может быть, дойдет. Пишу очень кратко, что жив и здоров и что прошу их писать мне по почте, и сообщая адрес, не указывая имени, а именно следующий:

France

Франция

Union Mutuelle Nationale

*Châtean Ziznard
Vallauris (Aples-Mar.)
Pour Sadek.*

Если найдешь возможным, напиши и ты Аграфу; если от меня не дойдет, то, может быть, дойдет от тебя.

Union Mutuelle Nationale – это то частное коммерческое учреждение, где состоит агентом барон Ховен. Мой же адрес для тебя следующий:

*France
Baron Howen.
Châtean Ziznard
Vallauris (Aples-Mar.)
Pour Sadek-bey.*

Сердечно приветствую дорогих Валиду-ханум, Эхдил-ханум, целую им обеим ручки, Саадат-ханум, Энделиб-ханум, крепко целую милых Фейзавер, Саиде и мамед-Салима.

*Обнимаю тебя крепко
любящий Садык.*

3 июня. 1922 г.

Дорогой Али бей!

Поздравляю с байрамом Рамазан тебя и всю семью. Вспоминаю прошлый годний Рамазан, который я провел у вас в Стамбуле. Теперь же, конечно, было не то, и мне особенно взгрустнулось и особенно захотелось быть среди вас, близких и дорогих моему сердцу. Но видно ты-то не очень меня вспоминаешь. По-видимому забыл совсем, и как тебе ни напоминает обо мне добрейшая Эхдил-ханум, ты никак не можешь одолеть свою лень писать или не можешь никак оторваться от любимой лопаты, чтобы взяться за перо и черкнуть мне несколько слов. Имей в виду, что если мне и приходит сомнение относительно тебя, но зато нет никаких сомнений ни относительно Эхдил-ханум, ни Валиды-ханум, ни детей, что они меня помнят и часто вспоминают.

Последнее твое письмо было от 22 марта, которое я получил 31 марта и на которое я ответил подробным письмом того же числа. С тех пор прошло больше двух месяцев, и я никаких известий о вас не имею. Конечно, очень беспокоюсь. Хорошо, если такое долгое молчание объясняется лишь ленью, не дай бог, чтобы была какая-нибудь другая, более грустная причина.

От своих братьев тоже никаких известий не имею. Всё это одно к другому создает невыносимое душевное настроение; и мне тоже больно и грустно чувствовать одиночество и пустоту кругом, а главное

бесцельность подобной жизни, никому не нужный и больше всего мне самому.

Живу все в Vallauris у барона Ховена. Я, конечно, им очень благодарен за дружеское отношение. Жизнь здесь мне обходится сравнительно дешево, плачу им за полный пансион и помещение 200 франков в месяц, что составляет около 25 турецких лир по теперешнему курсу. Это очень тихая деревня и хороший климат, слава богу, не болею.

Надеюсь, получив это письмо, ты, наконец, напишешь мне подробно обо всем, о семье, о детях, о делах своих. Нет ли каких-либо известий из Баку от наших родных? Я послал отсюда письмо почтой в Баку на имя Аишафа Ахмедова моим братьям. Не знаю, дошло ли это письмо по назначению.

...Не собирается ли кто-нибудь из милых братьев в Стамбул? И вообще, возможно ли это?..

Приехал ли Хикмет бей, что он рассказывает, видел ли моих братьев?..

Обнимаю крепко тебя, целую милых Фейзавер, Мамеда и Саиде, целую ручки Валиде-ханум и Эхдил-ханум, сердечный привет Саадат-ханум и Энделиб-ханум. Конечно, приветствую и Зейнаб, если она еще у вас.

Привет Курбановым и Ситаре-ханум.

9 июля. Nice. 1922 г.

Начинаю, дорогой мой Али бей, письмо со слов, сказанных тобой в одном из твоих же писем. Но ты оказался (алам би амал)¹. Тянул, тянул... и оборвал веревку, не веревку – а канат моего терпения. Больше трех месяцев на свои письма я ждал ответа, и, наконец, лопнуло терпение. Стало невозможно и... я написал за неделю до твоего письма Мусса бей Рафиеву, сказав, что беспокоюсь очень, не получал долго от тебя известий, волнуюсь, не случилось ли у вас каких-нибудь неприятностей и просил лично понаведаться у тебя и сообщить мне. Видно, наконец, мое душевное напряжение передалось тебе по эфирным волнам и заставило тебя взяться, наконец, за перо и прислать письмо от 23 июня. Оно меня очень порадовало и успокоило, что у вас все благополучно и все живы и здоровы. Затем через три дня получил второе письмо вместе с письмом Гозрата. Опять порадовался и поблагодарил бога за его милости. Пожалуйста, передай Бахрам бейю мою глубочайшую признательность за письмо; не могу ничем его отблагодарить как только молитвами за его и его детей, благополучие и счастье. Очень будет жаль, если не удастся с ним повидаться здесь же во Франции, ибо в Париже я не буду, а в Ниццу, где я сейчас живу, едва ли он приедет. Хотя из Марселя сюда только 3-4 часа езды, не мешало бы доктору посмотреть этот чудный уголок. Во всяком случае спроси его подробно о Баку,

¹ Иными словами, вроде ученым без действия (дословно) – (М.Т. – А.А.)

1) как там живут, 2) каково политическое положение, 3) чем занимаются мои братья, 4) хорошо ли у них идут дела, 5) не видал ли он Рагима и 6) почему от него нет ни одной строчки, 7) не говорил ли он с ними о поездке за границу. Дай мне ответ, пожалуйста, по пунктам. 8) Долго ли Бахрам бей пробудет за границей и когда приблизительно думает вернуться обратно. 9) Узнай также насчет дороговизны и что сколько стоит?

Меня интересует также вопрос, 10) чем занимаются наши беженцы и 11) на что живут, если им прекратили субсидию из Парижа. Спроси Бахрам бея, не знает ли он 12) номер дома Аишафа Ахмедова, у которого жена Шейда-ханум; у них собственный дом в Баку на улице Тазатир. Дело в том, что 31 марта этого года я послал из Vallauris по почте самое конечно невинное и безобидное письмо в Баку, адресовав Аишаф бею Ахмедову, ул. Тазатир, Баку. Caucase. Uin Constantinople. На днях это письмо вернулось обратно в почтовую контору Vallauris, причем на конверте масса неразборчивых штемпелей и заметка по-русски: «За неуказание точного адреса адресата разыскать». Этот конверт в вскрытом виде прислан был в особом конверте барону Ховену в Châtean Ziznard. В письме, подписанном Садык, я писал Аишаф бею, что не знал адреса своих братьев, я прошу его сообщить им, что я жив и здоров и что живу около Ницы во французской деревне Vallauris, причем и указал свой адрес. Вот и все. Сообщи мне, ведут ли там переписку беженцы с Баку по почте или нет и насколько это удобно?

Я просил тебя в предыдущих письмах при возможности от времени до времени написать моим братьям

и дать им обо мне известия. Писал, что это можно сделать именно через Аираф бей Ахмедова. Исполнил ли ты эту мою просьбу? А если нет, то почему, какая причина, какие неудобства?

Али Мардан бей оказывается, был болен аппендицитом, вынужден был лечь в больницу и сделать операцию. По имеющимся сведениям операция прошла благополучно, и он скоро выпишется из больницы.

От нашего Бахрама давно не имею никаких сведений.

Жаль Джемдета, что же он именно выкинул антиисламского?

Спасибо большое за присланные стихотворения. Разбираю с помощью турецкого словаря и с удовольствием вникаю в содержание. Прекрасно написано, очень остроумны сравнения о деревьях; чтобы это написать нужно было быть и поэтом, и доктором медицины, и ботаником.

Приветствую и поздравляю Саадат-ханум с успехами на пианино и желаю дальнейших успехов, надеюсь, что когда-нибудь услышу прекрасную игру. Здесь в Нице это мое единственное развлечение. Четыре раза в неделю играет по вечерам в саду roi d'Albert прекрасный оркестр муниципалитета, причем посещение бесплатно, приходится платить лишь 15 сантимов за стул.

В середине прошлого июня я переехал из Vallauris в Nice. Прекрасно устроился здесь, занимаю роскошную комнату со всеми удобствами: электричество, газ, лифт, центральное отопление, ванна и право пользоваться кухней; и всего за эту комнату плачу 100

франков в месяц. В общем, вся жизнь в месяц обходится около 300 франков. Хозяйка – одинокая старая женщина, и пока я ею очень доволен. Хотя у меня здесь нет ни одной знакомой души, но это не так чувствуется, ибо здесь природа великолепна, а море... что за море! Благоустройство, чистота – поразительная, везде и всюду.

Очень был тронут памятью обо мне вдовы Гусейн-Галиб-Паши. Передай ей мой сердечный привет и прилагаемую открытку.

Пишу также открытки моим любимцам – Саиде и Мамеду, а Фейзавер крепко-крепко целую. Как Зейнаб, не опасно ли её падение? Сердечно приветствую всех вас. Целую ручки Валиде-ханум, Эхдил-ханум, привет Энделиб-ханум.

Обнимаю тебя, любящий твой

Садык

Мой адрес:

Mr. Sadek

46 B^d Gambetta, 3e à gauche

P.S. Надеюсь на скорый ответ; припомни, что не следует очень тянуть веревки – (гопаджагы заманы билмери)¹.

Почему ты так поздно получил мое второе письмо, неужели задержали Курбановы? Разве нельзя написать тебе непосредственно; неужели письмо не дойдет? Если можно, то сообщи подробный адрес.

¹ Имеется ввиду знать предел терпению. Дословно: знать время разрыва (М.А. – А.А.)

Заканчиваю письмо сегодня 10-го, ибо вчера писал под зубной болью; пришлось сегодня вырвать зуб мудрости; не знаю, после этого мудрость моя уменьшится или нет.

Во всяком случае, боль прекратилась, но если прекратится и мудрость, то это будет довольно грустно, ибо в такое время только и можно жить при некоторой мудрости.

Твой Sadek.

10 сентября. 1922 г.

Дорогой Али бей!

В этот бесконечно счастливый и радостный день, когда бесподобная турецкая армия показала чудеса военного искусства и низвергла и изгнала наглого врага из пределов своей территории, я не могу не поделиться со всеми вами, близкими моему сердцу, своею радостью. Узнав о победах родного народа, радовался и сожалел, что я в этот редкий в жизни день не с вами. Не знаю, вспомнили ли и вы в этот день меня и пожалели ли о моем отсутствии?

Как долго, почти 4 года, мы все ждали этого дня. Сколько было беспокойств, тревог, глубоких огорчений! Еще недавно я так страдал при известии, что греки собираются захватить Константинополь. Но, слава богу, все это кончилось. И имя, и престиж Турции возвеличены во всем мире, не только мусульманском, и ином. Военные операции турецкой армии в эти две недели великого наступления напомнили гениальные сражения, ведомые Наполеоном. Макензенем в Румынии и Гиденбургом в Восточной Пруссии. Но для турецкой армии вести эти операции было много, много труднее. И тем больше слава ей.

Что вы поделяваете, как поживаете, здоровы ли все, дамы и дети, и ты сам? Давно, очень давно от тебя не имею известий. Последнее твое письмо было от 25 июня. Я же тебе написал подробное письмо 9 июля; вместе с этим письмом в одном конверте послал открытки Madame Hussein – Galib-Pacha, милым Саиде-бике и Мамед-Селиму. Получил ли ты это письмо,

оно было послано по обыкновению через Курбанова. В том письме я тебя просил сообщить мне некоторые сведения о Баку и о моих братьях, по пунктам. Но я еще не удостоился ответа.

Давно не имею писем и от Мусса-бея. Как они поживают, ведь теперь он уже с дочкой? Передай им, пожалуйста, мой привет и поздравления с радостной победой. Жду от них письма и беспокоюсь, что не пишут.

Я все еще в Ницце, но на зиму думаю переехать в Германию, а потом к весне, бог даст, и в Стамбул. Соскучился уж очень и по нем, т.е. по Стамбулу, а главное, конечно, по вас всех.

Нет ли каких-нибудь известий от братьев моих; написал ли ты им, какой их адрес? Ведь теперь можно писать по почте. Где доктор Ахундов?.. Ну, пока всего наилучшего, крепко обнимаю тебя, целую милых Фейзавер (она, наверное, теперь бегают и говорит), Мамед-Селима и Саиде-бике. Целую ручку Валиде-ханум, Эхдил-ханум. Сердечно приветствую Саадат-ханум и Энделиб-ханум. Привет Зейнаб. Пожалуйста, передай моё поздравление по случаю победы вдове Гусейн-Галиб-Пашы. Не забывай, пиши.

Твой Садык.

21 ноября. 1922 г.

Дорогой мой Али бей!

С удовольствием прочел твою поэзию, присланную в последнем твоём письме. Действительно, твои стихотворения явились плодом вдохновения и проникновения, предсказавшими великие события, совершившиеся впоследствии. Письма это я пишу в день открытия Лозаннской конференции, и на этом дипломатическом столбе, я уверен, Исмет-паша прославится такими же великими победами, какими он прославился на полях Анатолии. С глубоким вниманием слежу за дебатами на этой конференции и молю бога о полном успехе Турции.

Огорчился вестью о том, что ты и Эхдил-ханум были больны, но, слава богу, поправились и надеюсь, что теперь совершенно оправились от болезни.

Порадовали меня открытки моих любимцев: Саиде-Бике и Мамед-Селима.

Очень жаль, что моё письмо с 12 пунктами вопросов дошло до тебя, когда ты был болен, почему, как ты объясняешь, ты не мог на них ответить. Но потом, после того как ты поправился, можно было бы ведь на них ответить, и это не представляло бы никакой трудности; лишь следовало бы повидать Бахрам бей и расспросить его по интересующим меня вопросам. Одним лишь могу объяснить, к большому огорчению моему, что мои вопросы остались гласом вопиющего в пустыне: это тем, что ты не достаточно внимателен к моим просьбам. А между тем на чужбине, где я ски-

таюсь, ты ведь единственно близкий и родной мне человек, и кому же я могу обратиться за разрешением волнующих и тревожащих меня вопросов, как не к тебе?

С братьями моими я никак не могу вступить в переписку по почте, ибо не знаю их адреса, и они мне не пишут, потому что, может быть, тоже не знают моего адреса. Во всех моих письмах я просил тебя написать им. Это тебе легко сделать: ты мог бы послать со случайно едущими в Баку, а затем и по почте, хотя бы через Исмаил бей или Султан бей; это, может быть, для тебя скучное занятие, но ведь тебе известно, как мои братья, а в особенности, моя сестра Бадам-баджи тебя любят, и твоё письмо доставило бы им большую радость.

На днях был глубоко взволнован и порадован известием, сообщенным мне из Парижа в письме Зинаиды Михайловны Крживец. Она писала мне, что получила письмо из Баку от своей сестры, в котором та ей сообщает, что Рагим бек, мой брат, собирается ехать в Европу, чтобы повидаться со мной. Хотя я не знаю, насколько это правдоподобно и исполнимо для Рагим бека, но все же это известие меня очень подбодрило; я живу теперь лишь этой надеждой. Какое это было для меня счастье повидаться с ним?!

Я предполагал поехать в Германию ради дешевой жизни, но в последнее время там жизнь страшно вздорожала, и все пишут оттуда, что там жизнь стала невыносимой. Поэтому я остаюсь ещё эту зиму здесь, тем более что климат тут для меня удивительно благотворен; я почти не болею и все время хорошо себя чувствую.

Получил ли ты ответ от Мемдух Шефкет бей? Нашелся ли Хикмет бей, где он, что поддельвает? Как теперь жизнь в Стамбуле, по газетам как будто бы жизнь очень вздорожала, начиная с хлеба. Верно ли? Как твои дела, что нового в твоей личной службе? Передай мой привет Курбановым. Если напишешь Ахмед беку Агаеву, передай от меня привет ему и Ситаре-ханум; приехали ли к тебе барышни Агаевы? Очень рад, что у Нури бей поправились глаза, передай ему мое поздравление и мой привет. Кланяюсь Мисал-ханум, Бехидже-ханум. Целую ручку Валиде-ханум и Энделиб-ханум. Крепко целую милых Саиде-бике, Фейзавер и Мамед-Селима. Привет Зейнаб.

О возможном приезде Рагим бека пока не говори никому, ибо это может повредить лишь осуществлению им его намерения, если таковое у него действительно есть.

Надеюсь, что ты меня долго не заставишь ждать ответа на это письмо.

Передай мой привет Мусса бейю и Нине Алексеевне; скажи ему, что я очень огорчен, что он меня совершенно забыл, а между тем я их часто вспоминаю. Мои несколько писем оставлены им без ответа. Не переменил ли он квартиру и адреса?

Поздравляю вас всех с новым умным и образованным Халифом.

Всего наилучшего мой друг, крепко тебя любящий Садык.

*Адрес: 46 B^d Gambetta
Nice (Alp. Marit)
France.*

P.S. Я все время адресую письмо для тебя на имя Курбановых. Напиши мне – можно ли адресовать письмо непосредственно на твое имя и на твою квартиру, дойдет ли оно, и если да, сообщи подробный адрес.

Какая у вас зима – холодно ли? Как у вас дома?

Садык

20 января. 1923 г.

Дорогой мой Али бей!

Хотя ты всегда был оптимистом и через твои очки ты всегда видел мир в розовом свете, но в последнем письме твоём от 27 декабря особенно выступает этот розовый свет, что доставило мне, конечно, большое удовольствие и радость. Я рад и за исстрадавшую за долгие годы нашу милую Турцию, что она, наконец, может быть отдохнет от долгих бурь и смятений и заживет мирною спокойною жизнью; я рад и за тебя лично, мой дорогой, что и тебе легче, наконец, станет жить и дышать. Каждый раз, когда я получаю твое письмо и перечитываю его по нескольку раз, я мысленно переносюсь в Стамбул, в твой дом; особенно живо представляется мне комната внизу, где мы собирались все после ужина – и взрослые, и дети – вокруг мангала, за чашкою горячего кофе; взрослые беседовали, ты нередко сладко дремал, а дети щебетали, причем Мамед порывался все рассказывать одну из своих интересных сказок, а Саиде старалась заучивать свои уроки. Как это было мило, каким глубоким покоем веяло кругом и как мы далеки были от всех ужасов, совершаемых в мире! Милая Фейзавер! Она до сих пор помнит, как я хотел «отрезать» ей ухо; такая память обо мне не совсем для меня лестная, я представляюсь ей каким-то страшным бичом, а не добрым дядюшкой, каким я хотел быть в ее памяти. Ты ей объясни, пожалуйста, что я с ней только шутил и что скорее я отрежу обе свои руки, чем ей одно ухо, ибо я её очень и очень люблю. От своих из Кавказа я за это

время ничего не получил. Сам же послал на днях открытку Исмаил бейю в Сальяны, чтобы известил моих братьев обо мне, просил бы их мне писать и сообщил бы мне их адреса. Посмотрим, что из этого получится.

Я здесь очень поправился здоровьем, страна великолепная, климат прекрасный, можно сказать, что здесь круглый год весна, зимы до сих пор нет, и каждый день ярко светит солнце. Но жить здесь без дела, без работы, вдали от родных и близких очень тяжело: несмотря на все мои старания до сих пор никакой работы, никакого занятия не мог найти, а между тем время идёт день за днем, месяц за месяцами. Я серьезно подумываю к весне вернуться в Константинополь, где я опять увижусь с вами, буду ближе к братьям; может быть кто-нибудь из них и придет в Константинополь, ибо полагаю, что вследствие союзных отношений Анкарского правительства с большевиками, они облегчат до крайней возможности отношения между обеими странами. И, наконец, я надеюсь, что ввиду новых порядков и новых властей имущих людей, многие из которых твои друзья и знакомые, легче будет найти там мне какую-нибудь работу в той или другой отрасли – частной, общественной или государственной. Правильны ли мои соображения, одобряешь ли ты их, сообщи своё мнение и только, пожалуйста, не откладывай в долгий ящик, а напиши скорее.

Доктор Бахрам бей, если еще там, передай ему мой привет; я письма его из Парижа не получил.

Передай мой сердечный привет всем родным и знакомым. Целую ручки Валиде-ханум и Эхдил-ханум,

приветствую Саадат-ханум, Энделиб-ханум, барышень Агаевых, Мисал-ханум и Бехидже-ханум поздравляю с благополучным возвращением Хикмет бея, Нури бею мой сердечный привет, а также доктору Джевдет бею, Керим бею, Амирджанову, Мусса бею, Курбановым. Крепко целую моих любимцев Саиде, Мамеда и Фейзавер. Привет Зейнаб. Если напишешь Агаевым, передай мой сердечный привет Ахмед беку и Ситаре-ханум.

Твой Садык

P.S. Напиши стоимость французского франка на пиастры.

*Nice
46 B^d Gambetta.*

5 мая 1923 г.

46 B^d Gambetta (3^{mi}a, gauche)
Nice (Alp. Mar) France

Дорогой мой Али бей!

Все сроки уже прошли на твое письмо в ответ на мое послание от 20 января; скоро уже четыре месяца как я жду, а письма твоего все нет и нет. В открытке твоей от 19 февраля ты, между прочим, писал: «Тафсилалы бир джаваб йазарам»¹. Насколько мне известна турецкая грамматика, форма «йазарам» (напишу) выражает ближайшее будущее, а ближайшее значит несколько дней, но не недель и месяцев. Вот почему я и говорю: все сроки прошли и вынужден напомнить тебе турецкую грамматику, в которой ты, конечно, более сведущ, чем я, но лишь дело в том, что ты «алим би амал»², хорошо знаешь грамматику, но плохо её применяешь.

Надеюсь, что причиной твоего долгого молчания служит именно забывчивость, нелюбовь твоя к письму, а не что-либо другое. Надеюсь, что и ты, и дамы, и милые детишки – все вы в полном здравии и благополучии. Теперь уже наступила весна, ты, наверное, все время копаешься во дворе, все остальное забыто, в том числе и твой неотвязчивый Садык. Но он,

¹ Обстоятельный ответ напишу (досл. перев.) – (М.Т. – А.А.)

²Алим би амал – ученый без действия (М.Т. – А.А.)

как неотвязчивый, напоминает о себе, и, может быть, это заставит тебя, наконец, взяться за перо.

Что могу писать о себе? Ничего нового, живу все в этом благодатном крае и, казалось бы, только радоваться ясному небу и синему морю, но на душе туман и беспокойство за далеких родных и близких. Увижу ли я их и когда? А может быть и нет...

Получил две телеграммы в начале февраля и конце марта из Баку от братьев, сообщают о благополучии и посылке писем; но писем все нет, и это меня беспокоит.

На здоровье не могу жаловаться, чувствую себя все время хорошо, симптомов малярии не было у меня уже давно. Но, несмотря на это, настроение у меня подавленное; главная причина – что не могу найти какую-нибудь работу, могущую дать заработок.

Сообщаю тебе на всякий случай адрес моих братьев. У них два адреса: квартира и торговая контора.

1 – адрес квартиры: Баку, Цициановская ул. № 23, Агабекову.

2 – адрес конторы: 1-ое московское экспортно-импортное торгово-промышленное товарищество, угол Меркурьевской и Милютинского № 3-5. Баку.

Адрес телеграмм: Hlorcherst. Баку. Хлопок-шерсть.

Прилагаемое письмо передай, пожалуйста, лично Мусса бею Рафиеву. Сердечно приветствую Валидуханум, Эхдил-ханум, целую ручки; приветствую Саадат-ханум, Энделиб-ханум, целуб милых Саде, Мамеда,

*Фейзавер. Приветствую всех родственников и Зейнаб.
Привет Курбановым.*

Очень не хватает мне словаря французско-турецкого и турецко-французского.

Спасибо за присылку «Иджтихад».

Любящий тебя Садык.

1 июня 1923 г.

Дорогой мой Али бей!

Последнее твое письмо от 9 мая я получил как раз в день Рамазан-байрама. Большой радостью было для меня получить вообще известие о вас, а в особенности получить это известие именно в день нашего светлого праздника. Таким образом я мысленно был с вами и был приобщен к вашему праздничному настроению и хотя будучи на чужбине, как ты говоришь в стране франков, не чувствовал себя таким отчужденным, одиноким и покинутым. Но, к сожалению, нет полного счастья в этом мире и в эту переживаемую нами ужасную эпоху... Несчастье, постигшее Мусса бая, казнь его брата, меня страшно взволновало и огорчило. Затем последние нехорошие известия из Кавказа, как сообщаем ты в своем письме, ввергнули меня в пучину тревоги за моих братьев и наших родных в Баку. Я потерял спокойствие, потерял сон и нахожусь в вечной тревоге за них, в вечной озабоченности. Как я тебе писал в предыдущем письме от 5 мая, я от них ни одного письма не получил, кроме двух телеграмм, последняя из коих от 31 марта, хотя в телеграммах они мне сообщали, что посылают подробные письма. Я последнее письмо послал им от 3 мая. Теперь после твоего письма я опасаясь им писать, боясь, что может быть даже самое невинное письмо им повредит. Могут придраться, что они находятся со мной в переписке. Вообще моё душевное настроение невыносимо. Ради

бога, напиши мне поскорее, не имеешь ли ты там каких-либо известий от них. Не приехал ли Мамдух-Шовкет бей, что он говорит, расспроси его подробно.

С последним твоим письмом я получил лишь один экземпляр журнала «Иджстихад» с твоим прекрасно сделанным портретом и с прекрасно написанными твоими стихами «Торквато-Тассо». Портретом я любовался долго, а стихи прочел с большим удовольствием. Действительно, эпизод о Сулейман-шахе удивительно подходит к последним событиям в Турции. Мне очень понравилась и статья «Гапанури гадын». Оказывается, Арпаудское правительство уже издало указ об изъятии многоженства. Нужно надеяться, что и Ангарское правительство сделает то же самое.

Нет ли у тебя краткого словаря турецко-французского и французско-турецкого? Я был бы очень признателен тебе, если бы ты мне их прислал; я бы их, конечно, вернул тебе по возвращении в Константинополь. Или не можешь ли ты поручить какому-нибудь книжному магазину прислать мне наложенным платежом краткие словари, если это не очень дорого – не дороже 8 франков?

Получил ли ты мое последнее письмо от 5 мая и передал ли вложенное там письмо Мусса бею? Ты не написал мне, к сожалению, за что именно казнили его брата в Батуми; ведь он, насколько мне известно, занимался лишь торговлей, а не политикой. Напиши, какое было обвинение, и казнили ли еще кого-нибудь из азербайджанцев?

Юсиф бею Акчуре передай мой сердечный привет; я сохранил о нем самое светлое и симпатичное воспоминание. Чем он теперь занят? Ахмед бека Агаева сердечно приветствую, если приехал; останется ли в Константинополе или вернется обратно?

В Лозанне, по-видимому, судя по французским газетам, дело идет к миру с Турцией. Восхищаюсь глубоким умом и дипломатическим талантом Исмет-паши; буду бесконечно рад, когда мир, наконец, будет подписан. От Бахрама я тоже давно не имею никаких известий.

Что делает Хикмет бей в Вене, чем он там занимается? Передай мой поклон Нури бею, Мисал-ханум, Бехидже-ханум. Доктору Джевдут бею, Сефдер бею и Баба бею шлю привет.

Приветствую семью Ахмед-бея: Ситару-ханум, если приехала, и барышень.

Привет Валиде-ханум и Эхдил-ханум, целую их ручки. Приветствую Саадат-ханум и Энделиб-ханум. Обнимаю детей: Саиде, Мамед-Селима и Фейзавер; напиши, похожа ли она на Саиде, так же ли красноречива как Саиде-бике и Мамед-Селим бей?

*Крепко тебя обнимаю
твой Садык.*

P.S. Милый Али бей, я тебя очень прошу, во-первых на это письмо отвечай немедленно же, ибо я очень беспокоюсь за наших родных в Баку. Во-вторых, перед

тем как отвечать мне, перечти мое письмо и постарайся ответить на заданные мною вопросы, которые я задаю не из праздного любопытства, а потому что они меня очень интересуют. Очень часто до сих пор мои вопросы остаются без всякого ответа и внимания.

Привет Зейнаб.

Твой Садык.

26 июля, 1923 г.
Nice

Дорогой мой Али бей!

Бесконечно рад за мир и от всего сердца поздравляю вас всех с великой мирной победой, начинающей новую эру для любимой нами всеми Турции. Вся европейская печать единодушно считает подписанный 24 июля Лозаннский мир торжественной победой турецкой дипломатии в лице ее представителей в Лозанне, глава которых Исмет-паша сейчас наиболее популярное лицо во всем мире. Честь и слава ему, его сотрудникам и всем турецким националистам во главе с Мустафа-Кемал-пашой!

Последнее твое письмо от 9 мая, на которое я ответил тебе 1-го июня, ввергли меня в страшную тревогу за благополучие родных на Кавказе. В своем письме я умолял тебя сообщить мне, по возможности, немедленно точные сведения о моих братьях; но, к сожалению, до сих пор я от тебя ничего не получил. Чем дальше, тем больше мои тревоги возрастали; твое упорное молчание приводило меня в отчаяние. Я потерял сон, аппетит, похудел и не знал, что делать. Наконец, 9-го июля, т.е. недели две тому назад, получил по почте письмо из Баку от брата Рагим-бея. Письмо помечено от 26 мая. В нем Рагим бей сообщает о благополучии всех родных. Это письмо успокоило меня и дало мне жизнь. Хотя в письме сообщается очень неприятное известие о их материальном положении, а

именно, что организованное им в последний год коммерческое дело лопнуло, и брат потерял всё, я все же был рад и благодарил бога за его милость, что он сохранил им жизнь и здоровье.

Недавно получил от Мамед-Эмина Расул-заде его историю Азербайджана с твоим предисловием. Почему-то она очень долго шла по почте. Я ему глубоко признателен за любезное внимание. Пожалуйста, поблагодари его от меня. Не смог лично ему написать, так как почтовая обертка, на которой имелся адрес, утерялась. Читаю я её с большим интересом, ибо книга написана очень живо и включает много ценных и совершенно точных сведений.

О себе ничего нового не могу сообщить. Всё то же, что было, не имею работы, не могу никак её найти, и это обстоятельство меня подавляет. Я как-то давно ещё писал тебе и просил сообщить мне – возможно ли найти какую-нибудь работу, самую хотя бы незначительную, там в Константинополе, но ты почему-то мою просьбу оставил без ответа. Ещё раз я об этом тебя прошу; мне думается, что теперь с установлением мирной нормальной жизни в новой Турции не трудно будет с помощью твоих друзей найти мне какое-нибудь дело, какую-нибудь работу, которая заняла бы меня и дала бы мне какой-нибудь заработок. Средства к жизни истощаются, и нужно во что бы то ни стало что-нибудь предпринять.

Как поживают родные в Стамбуле, как семья, что ты сам поделываешь, есть ли что-нибудь новое в твоей деятельности и твоей службе? Как поживают

наши знакомые: Ахмед бек Агаев, Юсиф бей Акчура и другие? Напиши, кто из наших знакомых избран в Национальное собрание и переедет ли оно в правительство в Константинополь или останется в Анкаре?

Передал ли ты мое письмо Мусса бейю, ибо я от него ничего не получил.

Передай мой поклон Нури бейю, Мисал-ханум, Бехидж-ханум, Курбановым.

Сердечно приветствую всю семью твою: Валиду-ханум, Эхдил-ханум, Саадат-ханум, Энделиб-ханум; целую детишек: Саиде, Мамеда и Фейзавер. Привет Зейнаб. Передай мой привет также и твоей домово́й хозяйке.

*Крепко обнимаю тебя
любящий Садык.*

*Мой адрес: Sadek bey, 46 Bd Gambetta, Nice
France.*

18 августа 1923 г.

Дорогой мой Али бей!

Наши последние письма – твое от 23 июля и мое от 26 того же месяца – разошлись лишь на несколько дней. Спасибо, что вспомнили меня по случаю Курбан-байрама, о котом я совершенно забыл, живя в этой стране гяуров. Прочитав твое письмо, порадовался успеху Саиде и Мамеда в учении; посочувствовал милосту Мамеду в его жизненных неудачах как в вопросах покупки барашка, так и в праздновании дня его рождения; его остроумный ответ по этому случаю меня очень позабавил. По-моему причиной всего этого – не совсем справедливое и корректное отношение к нему всех кроме тебя. Но ведь один в поле не воин, и нередко ты остаешься побежденным в деле защиты интересов нашего Мамеда. Но вот, ты его утешь тем, что когда его дядя вернется в Константинополь, то, по всей вероятности, общими усилиями мы лучше отстоим, его интересы и не забудем праздновать день его рождения, и он, наконец, убедится, что он уже родился на свет.

Поздравляю сердечно всех вас с предполагаемым бракосочетанием Саадат-ханум; партия прекрасная, судя по Акыл-Мухтару; его брата я хорошо помню, напиши, чем он занимается и похож ли он на Акыл-Мухтара.

По вопросу о предложении тебе должности в Анкаре могу лишь сказать, что в этой должности «председателя комиссии по делам переводов и сочинений» ты был бы совершенно на месте, а затем в этой

должности твое материальное положение было бы во много раз лучше, чем теперь. Но, конечно, тебе лучше было знать, и, может быть, ты был прав, отказавшись от этой должности, имея в виду здоровье детей; я не знаю, насколько в климатическом отношении Анкара неблагоприятна. Меня очень интересует другая сторона вопроса, – какого мнения была по этому делу Эхдил-ханум?

О себе ничего нового не могу сообщить. Все больше и больше меня озабочивает моя дальнейшая судьба. Несмотря на крайнюю экономию и бережливость, ресурсы мои иссякают; марки мои, которых я вовремя не ликвидировал, теперь стоят несколько лишь сантимов, т.е. ноль. Не позже весны нужно найти какое-нибудь место, какую-нибудь работу, заработок, иначе положение мое будет безвыходное. Здесь я убеждаюсь все больше и больше, что найти какой-нибудь заработок не мыслимо. Я уже писал тебе в предыдущем письме обо всем этом. Единственная надежда остается на Турцию. Там есть твои близкие друзья, занимающие известное положение, они отчасти знают и меня; там есть Ахмед бей, избранный теперь в депутаты Национального собрания, там есть Акчурра и другие. И вот нужно похлопотать, нужно переговорить, нужно написать, кому следует, не откладывая в долгий ящик, о чём я еще раз тебя убедительно прошу. Я бы согласился на всякое место, лишь бы быть подходящим и полезным. Здесь я слышал, между прочим, от некоторых лиц, что в настоящее время Анкарское правительство озабочено назначением консулов и вице-консулов в некоторые европейские города, причем решено назначать всех служащих

исключительно лишь из мусульман. Кроме своего родного тюркского и русского языка владею хорошо французским языком; предназначался раньше до захвата большевиками Азербайджана быть аккредитованным как представитель этого правительства, в Польшу или Швейцарию. Я не претендую на какую-нибудь видную должность, лишь бы была должность и заработок, по какому угодно министерству, конечно, предпочел бы Константинополь, чтобы быть вместе с вами и близко от братьев. Предпочел бы также частную службу государственной, например, какую-нибудь должность в банке или таможене. Не может ли в этом деле помочь своими связями Назиф бей? Прилагаю при этом письмо мое Ахмед бегу, которого прошу о том же. Письмо это прочти и затем с письмом еще и от себя направь Ахмед бегу. Очень прошу тебя, отнесись к этому делу с должным вниманием и сделай все возможное. О результатах сообщи мне незамедлительно.

От Бахрама получил письмо из Берлина от 6-го августа. Он ездил туда на съезд студентов; пишет, что от азербайджанского правительства получили поддержку и что, по словам представителя Азербайджана в скором времени дадут еще. Теперь он, вероятно, вернулся в Дариштадт.

От братьев ничего нового не получил. Вернулся ли Мирза Китабуллах из Баку и что он говорит о наших братьях?

Передай мой сердечный привет нашим милым родственникам, которые все еще меня помнят. Нури бегу, Софье-ханум, Мисал-ханум, Бехидже-ханум, Хикмет бегу Везирову. Целую ручки Валиде-ханум и Эхдил-

*ханум, сердечно приветствую Саадат-ханум и Энде-
либ-ханум. Целую детей: Саиде, Мамеда, Фейзавер.
Привет вдове Галиб-паши.*

*Сообщи мне на всякий случай адрес Ахмед бека.
Не найдешь ли полезным в письме твоём к Ахмед бею
сказать, что было бы желательно найти мне какое-
нибудь дело именно в Константинополе, чтобы быть
вблизи вас?*

*Крепко обнимаю тебя
любящий тебя Садык.*

17 октября

Дорогой мой Али бей!

Большое удовольствие доставило мне твое очень интересное письмо от 4 сентября. Приятно было узнать, что мое письмо дошло до тебя как раз в час бракосочетания Саадат-ханум, и я, таким образом, если не лично, то духовно принимал участие в этом семейном торжестве. Состоялась ли свадьба? Шлю мои лучшие благопожелания счастья (ведь само имя Саадат-ханум есть счастье) и полного благополучия новобрачным.

Имеешь ли какие-либо известия из Анкары от Ахмед бея насчет наших хлопот, где живут его дочери и сыновья, опять у вас ли? Поздравляю вас всех с освобождением от иноземного нашествия.

Иностраннные черти, как говорят китайцы про европейцев, ушли, и турецкие войска торжественно вступили в город минаретов. Наверное, Фейзавер, Саиде и Мамед не мало прокричали свои горлышки при встрече войск – «Йашасын турка аскери»¹.

От Рагим бека получил письмо. Они, слава богу, живы и здоровы. Его сын Гусейн через год кончает Бакинский университет медиком. Он избрал специальность – акушерство и гинекологию. Другой племянник, сын Газрата – Гасан, тоже на медицинском факуль-

¹ Да здравствует турецкий воин! (досл. перевод. – М.Т., - А.А.)

тете на II-ом курсе. Как видишь, в нашей фамилии будут двое твоих последователей. Кстати, как твои служебные дела, имеешь ли добавочные занятия и прибавили ли жалованье?

Милый Али бей, я, уезжая от вас, оставил на хранение Эхдил-ханум некоторые бумаги и документы, насколько помню, в большом конверте. Теперь эти документы мне очень нужны. Я их тогда не взял, боясь, что по дороге греки обыщут и отберут. Пожалуйста, как получишь это письмо, сейчас же, незамедлительно вышли мне по почте эти бумаги все какие есть в особом плотном полотняном конверте как страховое письмо (letter chargée, застраховавав на две тысячи франков; такое письмо запечатывается по правилам собственной одинаковой сургучной печатью (5-ю). Я прошу принять такие предосторожности, так как там есть некоторые ценные бумаги и нотариальные купчие крепости. Если в отданном мною Эхдил-ханум свертке есть некоторые вещи, то их присылать не нужно, пока оставьте там, а пришлите лишь все бумаги и записные книжки. С нетерпением жду этих бумаг, так как они мне спешно нужны.

Всего наилучшего, мой дорогой, сердечно приветствую Валиду-ханум, Эхдил-ханум, целую их ручки, обнимаю милых детишек, привет Саадат-ханум, Энделиб-ханум, Зейнаб. Передай мой привет Нури бейю и его семье, Мисал-ханум, Бехидже-ханум, Хикмет бейю, Сефтер бейю и его брату, Амирджанову, Мусса бейю, а также вдове Гусейн-Галиб-паши и ее дочери Кериме-ханум. Если напишешь, передай мой привет Ахмед бейю

и Ситаре-ханум. Если переписываешься с Юсиф беем Акчура, передай ему мой поклон. Чем он занимается?

Любящий тебя Садык.

Милый друг, еще просьба:

1 – Узнай, пожалуйста, через Сефтер бея – есть ли в Константинополе английский банк под названием:

British-Trait-Corporation

Бритиш-Трет-Корпорейшен.

И если есть, то сообщи мне его адрес.

2 – Есть ли среди азербайджанских беженцев некто Аббас бек Велибеков; и если есть, то сообщи также его адрес.

Твой Садык.

Пожалуйста, когда будет запаковываться пакет с бумагами, сделай это сам, чтобы ничего случайно не утерялось. Квитанцию почтовую пришли мне с твоим письмом, предварительно списав и отметив у себя дату и номер квитанции.

Твой Садык.

Напиши мне какие еще там остаются вещи.

46 boub. Gambetta

10 ноября 1923 г.
Nice

Дорогой мой Али бей!

Вчера получил твое письмо от 4 ноября, где ты сообщаем, что через день отправишь пакет с документами и обещаешь в следующем письме дать подробный ответ на мое предыдущее письмо. Спасибо, милый, за хлопоты, а также большое спасибо за «Иджтихад» с твоей поэзией из сочинения Шиллера. Я прочел с удовольствием твои стихи, но пока еще без оригинала. Скажу только, что выбранная тема прекрасна, содержание чрезвычайно трогательно, написана тобой лёгким и ясным языком, как ясна и светла сама тема. Дружба – это ведь есть высшее выражение живой души; она присуща не только людям, но даже животным. Она выше любви, ибо она вечна и неизменна. Постараюсь найти хотя бы перевод Шиллера на французский язык и сравню с твоим переводом.

Я забыл в предыдущем письме еще об одной моей просьбе. Но прежде чем сказать, в чем она заключается, дать некоторое объяснение. Дело в том, что в числе посылаемых мне тобой документов должны быть несколько именных на мое имя предварительных свидетельств, т.е. акции под названием «Ориант». Это коммерческое общество было организовано в Баку еще до прихода большевиков. Большая половина капитала была иностранная; одним из директоров этого общества был покойный Бейбуд-хан Джеваншир, у которого было много акций. Как оказывается, до при-

хода еще большевиков этим обществом было отправлено за границу очень много товара, и, как мне передавали, в каком-то банке в Европе можно продать эти акции «Ориант». Брат Бейбут-хана женился на дочери твоего приятеля и живет, по всей вероятности, в Стамбуле; и нужно полагать, что у него есть эти акции «Ориант» или были, и он, может быть, получил по ним деньги. Так вот: моя просьба – повидай, голубчик, не откладывая, этого Джеванишира и узнай у него подробности об этих акциях, предварительных свидетельствах, а именно: 1) можно ли их продать; 2) где именно, в каком банке; 3) сколько за них дают; 4) и какие нужны формальности при продаже. Только прошу, не упоминай моего имени, не говори, что эти акции имеются у меня, а скажи, что этот вопрос тебя интересует лично для тебя. Если только удастся что-нибудь получить по этим акциям, это будет для меня спасением. С вопросом этим нужно торопиться, ибо политический горизонт чрезвычайно сгущён и насыщен грозой, и нельзя предвидеть, что произойдет через неделю, через месяц...

И если, не дай бог, разразится гроза, то это будет величайшая катастрофа; еще страшнее, чем до сих пор нами, к несчастью, испытанное.

Твое стихотворение с восславлением нашего пророка, его дочери и халифов, действительно должно было оказать большое влияние на реабилитацию нашего милого Абдулла-Джевдета, ибо редактор журнала с таким стихотворением не мог быть неверующим. Передай ему мой привет.

Рад, что вся семья и дети здоровы, шлю сердечный привет всем, обнимаю милых Саиде, Мамеда и

Фейзавер, по которым очень соскучился и которых хотел бы видеть и слышать их щебетание.

Обнимаю тебя, твой Садык.

Узнал ли ты, дорогой Али бей, насчет некоего азербайджанца Аббас-бека Велибекова; его хорошо знает Абдулали бей Амирджанов. Я просил тебя об этом в предыдущем письме.

Меня он интересует потому, что, как мне передавали, он, т.е. Велибеков, уже получил деньги по имеющимся у него предварительным свидетельствам «Орианта».

Бумаги «Орианта», наверное, были и у Амирджанова. Может быть, и он скажет что-нибудь полезное и даст нужные указания.

Пожалуйста, узнай поскорее и сообщи.

Твой Садык.

22 ноября 1923 г.

До сих пор я еще не получил, дорогой мой Али бей, с таким нетерпением ожидаемого мною пакета с документами. С 17 октября, когда я просил тебя впервые о присылке спешно этих документов, прошло уже больше пяти недель; со времени твоего письма от 4 ноября, в котором ты обещал мне прислать мои бумаги на другой день после письма, т.е. 5-го ноября прошло уже 18 дней, но обещанного и ожидаемого мною пакета все нет и нет!!!..

А между тем письма из Стамбула сюда идут дней 5-6, и только. Зная из моих писем тебе от 17 октября и 10 ноября, какого свойства документы находятся в ожидаемом пакете и насколько они для меня жизненно ценны – ты должен понять, насколько я тревожусь, волнуюсь и беспокоюсь. Неужели ты еще не нашел час свободного времени, чтобы упаковать документы и отправить на почту! Если это тебе так трудно, то нужно было написать, и я тогда попросил бы кого-нибудь другого исполнить мое поручение.

Еще раз обращаюсь к тебе с величайшей просьбой: вышли мне просимые мною документы поскорее и таким порядком, как я просил тебя в первом письме, т.е. par letter chargée (страховым письмом) с пятью именными печатями. Сообщи мне немедленно же об отправке пакета, выслав почтовую квитанцию, предварительно записав № квитанции у себя.

Я не думаю, что препятствием к отправке пакета явились денежные расходы, ибо таковые сравнительно ничтожны.

*Ты получил мое письмо и от 10 ноября. Мне не-
ловко, что я беспокою Курбановых передачей тебе
моих корреспонденций, каковы, к несчастью, оста-
ются безрезультатными.*

*Из тона моего письма ты видишь, в каком я
нервном состоянии. Пожалуйста, сообщи что-нибудь
– да или нет, – и если можешь, дай ответ на мое
письмо от 10 ноября.*

*Что пишет Ахмед бей Агаев? Если напишешь
ему, передай мой привет.*

*Как зима в этом году, достаточно ли тепло в
квартире? Сердечно приветствую дорогих Валиду-ха-
нум, Эхдил-ханум, Саадат-ханум, Энделиб-ханум; обни-
маю милых детишек – Фейзавер, Мамеда и Саиде.*

*Всего наилучшего
Твой Садык.*

*P.S. Если пакет уже ты послал, то сообщи: ка-
ким порядком послал – par letter chargée (страховым
или иным порядком?). Нужно тогда сделать там в bi-
reau de poste письменное заявление, что пакет до меня
не дошел и чтобы сделали розыск; сообщи об этом и
мне, чтобы я сделал здесь то же самое, только нужно
указать мне номер квитанции, дату сдачи на почту и
на какую сумму был пакет застрахован.*

Меня это дело волнует бесконечно!

*Приветствую Курбановых и извиняюсь за причи-
няемое беспокойство.*

Садык.

30 марта 1924 г.

Дорогой мой Али бей!

Наконец, после долгого-долгого ожидания получил твое объемистое письмо от 15 марта. Лучшие поздно, чем никогда. Главное это то, что у вас, т.е. в твоей семье полное благополучие, все, слава богу, живы и здоровы. Поздравляю всех вас со счастливым событием – бракосочетанием Энделиб-ханум; от души желаю ей и ее супругу всех благ земных.

Спасибо большое за сообщение очень обстоятельных сведений обо всех интересующих меня вопросах. Переданные Джеваниширом данные об акциях «Орианта» очень важны. Раньше твоего письма я получил подробное письмо со сведениями об этом же «Орианте» от Абдул-Али бей, который писал мне по твоей просьбе; я уже ответил ему и благодарил за память.

Пакет с бумагами шёл очень долго; наконец, я его получил со всеми бумагами в исправности и с акциями «Орианта», но меня удивило, что от тебя не было в пакете ни одной строчки.

Надежды мои, к сожалению, на эти акции не оправдываются. Несмотря на то, что я предпринял всевозможные шаги, чтобы получить за них что-нибудь, ничего утешительного не выходит. Заправи́лы этого общества отказываются что-нибудь давать и заявляют то же, что передавал тебе Джеванишир: дескать, ждите; пока не будет общего собрания акционеров, ничего не дадим. А вероятно, общего собрания

акционером не дожидаться и до могилы. Заправилам, захватившим капитал, это на руку – тянуть до бесконечности. Прости, дорогой, что я тебе причинил столько беспокойств из-за этого пакета. А par-dessus le marché, обеспокоил и Курбановых.

Меня чрезвычайно тронуло высказанное тобой в письме желание помочь мне материально, если окажусь в крайности. Великое спасибо, милый, авось, бог поможет, не дойду до этой крайности. Ведь я знаю, и ты не благоденствуешь материально, имея, слава богу, большую семью и, получая, к несчастью, очень маленькое содержание.

Надежды мои на то, что наш милый Ахмед бей близко примет к сердцу мое положение и выхлопочет для меня какое-нибудь место, тоже рассеиваются в тумане, все больше и больше сгущающимся надо мной. Моё первое письмо к нему, пересланное тобой в Анкару, было в прошлом августе; с тех пор прошло 8 месяцев и я не получил даже в ответ двух слов. Ты советуешь писать еще. Будут ли иметь лучшую судьбу другие письма, не знаю; скорее – не надеюсь.

Передай от меня привет Ситаре-ханум и поздравь от моего имени с бракосочетанием Хумай-ханум. О ее женихе, Ага-Риза Ризаеве, я слышал будучи на Кавказе самые лучшие отзывы. Если напишешь, передай от меня привет и Ахмед бей; я прошу его лишь бы сообщить два слова – иметь ли надежду на место (на службу), на какое приблизительно (т.е. по какому ведомству) и когда; или же нужно оставить окончательно надежды на это. Так или иначе, мне крайне нужно это знать заранее.

Передай мой привет Ю.Б. Акчуре и поздравление с наследницей; депутатом он откуда выбран?

Последние события в мусульманском мире меня очень взволновали. Мне было бы крайне интересно и ценно знать об этих событиях твое мнение. Заранее благодарю за Иджтихад; с интересом прочту, когда пришьешь, статью Одишелидзе о Туркестане.

От братьев из Кавказа давно ничего не имею. Не знаю, почему не пишут, или письма не доходят. От Бахрама тоже очень давно нет никаких известий.

*Между прочим, просил Абдул-Али бея прислать мне из Константинополя наложенным платежом турецкую грамматику на французском языке, она называется: *Méthode théorique et pratique pour l'enseignement de la langue turque, par Moïse bey dal Medico (1908)*. Я ее видел здесь у одного господина, профессора восточных языков в Кембриджском университете, и она мне очень понравилась. Ни в Париже, ни в Ницце я ее не нашел. Может быть, ты знаешь эту книгу; помоги, пожалуйста Абдул-Али бео найти ее. Я просил об этой книге Абдул-Али бея, а не тебя потому, что ты занят, а у него, наверно, много свободного времени, и он скорее ее вышлет. Она мне теперь очень нужна, ибо совершенно случайно нашел здесь одного любителя восточных языков, который просил меня преподавать ему уроки турецкого языка. Он хорошо знает уже персидский язык. Я даю ему урок 3 раза в неделю по часу; 10 франков за урок. К сожалению, кажется, он долго здесь не пробудет, не больше двух месяцев. Между прочим, я сделал объявление, что даю уроки турецкого, русского и французского языков. Но пока других уроков, кроме вышесказанного, не нашел.*

Не помню, писал ли я тебе? Уже 5 месяцев, состою заочно студентом Ecole Universelle par correspondance de Paris; изучаю по корреспонденции Cours pratique d'orthographe de la langue française. Цель моя – уметь писать по-французски так же корректно и безошибочно, как, например, я пишу по-русски. Дело идет довольно успешно, получаю от школы похвальные отзывы за свои работы. Все же мое, хотя и невольное, пребывание во Франции окажется продуктивным.

Сердечно приветствую и целую ручки Валидеханум, Эхдил-ханум; привет Саадат-ханум. Приехал ли Кемал-Мухтар бей? Приветствую Энделиб-ханум, Кериме-ханум и ее мать (очень тронут их памятью), Курбановых; передай мой привет вдове Гусейн-Галиб паши, если приехала из Египта. Целую крепко детей, очень по ним соскучился. Как бы хотелось их видеть, слышать их лепет! Большие надежды подает милая Фейзавер: она уже делает тебе замечание (entre parenthese – очень дельное и уместное) и хочет уже с четырех лет играть на дюдюке¹ своего старого дяди. Скажи ей, что его дюдюк уже устарел, как и он сам; теперь новые веяния, новые дюдюки и иные песни. Я, ей пришлю обязательно, как будет случай, модный дюдюк, на котором она сыграет современные мотивы.

Да, еще раз возвращаюсь к грамматике турецкого языка. Если же не найдется именно та книга, которую я просил, то посоветуй Абдул-Али бейю другую хорошую, но только обязательно на французском языке, ибо на этом языке приходится преподавать турецкий язык.

¹ Музыкальный инструмент подобие свирели (М.Т. – А.А.)

*Ну, пока, всего наилучшего, мой дорогой; пиши,
долго не откладывай.*

Крепко тебя обнимаю

Твой Садык.

*Да, чуть не забыл еще тебе сообщить, что с се-
редины февраля до середины марта лежал больной
гриппом. Слава богу, теперь поправился и чувствую
себя хорошо.*

24 мая 1926 г.
Nice

Дорогой Али бей!

Твою открытку от 28 марта я получил давно, но не отвечал до сих пор в ожидании обещанного тобою подробного письма. Прошло с тех пор почти два месяца, но ни письма твоего, ни общей фотографии с родственниками в Баку я еще не получил. Что за причина, не случилось ли у вас какой-нибудь неприятности, я начал беспокоиться долгим твоим молчанием. И вот, как проявление моих тревог – это письмо.

Мое предыдущее письмо, как ты пишешь, Гара денизе теслим олма(арам), но я не понял, почему это случилось и прочел ли ты, то письмо до его отправления в Гара дениз?

Здесь ничего особенного, в моей судьбе никаких перемен. Живу изо дня в день и молю бога за то, что он по крайней мере сохранил мне здоровье, ибо болеть в том положении, в котором я нахожусь, было бы для меня величайшим несчастьем. Я не боюсь совершенно смерти и думаю о ней часто совершенно спокойно, но боюсь болезни. Ты в твоём последнем подробном письме ответил мне почти на все мои вопросы, но оставил без ответа одну мою просьбу: эта просьба касалась возможности женитьбы моего племянника инженера-агронома Еникеева на одной из девиц-турчанок Стамбула, из хорошей семьи, воспитанной, доброй и миловидной. Я писал тебе подробно о его служебном положении как инженера-агронома в одной значитель-

ной хлопковой компании во французском Судане. Просил тебя передать разрешение этого вопроса дорогой Эхдил-ханум. К сожалению, ты оставил этот мой вопрос без ответа; между тем в скором времени приезжает в отпуск в Париж мой племянник, его зовут Менгли-Гирей; и было бы желательно узнать, возможно ли это дело или нет. Прошу тебя еще раз: передай эту мою просьбу Эхдил-ханум и спроси – есть ли кто-нибудь на примете, и если есть, то нельзя ли приложить карточку с необходимыми сведениями, касающимися этой личности.

При этом прилагаю фотографию Менгли-Гирея и добавляю, что это – очаровательная личность с большим сердцем, чуткой душой и чудным характером. Я очень прошу тебя ответить на это письмо как можно незамедлительно.

Получил ли ты посланную мною 15 февраля с.г. брошюру с рисунками карнавальных торжеств для забавы детям.

Передай мой сердечный привет Валиде-ханум, Эхдил-ханум, Саадат-ханум, ее супругу, крепко целую детей. Приветствую Селим бея с его семьей, вдову Гусейн-Галиб-паши, ее дочь Кериме-ханум, Курбановых и всех Стамбульских родственников. Когда напишешь Энделиб-ханум, передай ей мой привет.

В ожидании скорого твоего ответа остаюсь

Твой Садык.

*19 сентября 1926 г.
Nice*

Дорогой мой Али бей!

Ты вправе подумать: «Ну-с, Садык бей, как говорят, дурные привычки заразительны: ты заразился одной из этих неодобрительных привычек от нашего знакомого Али бея, а именно: не отвечать на письма месяцами; и вот поэтому на очень обстоятельное письмо Али бея, от 14 июня ты собрался, наконец, отвечать лишь 19 сентября, т.е. через три месяца».

На этот предполагаемый упрек я должен ответить, что у меня были к тому основательные причины: 1-ое, я ждал все время от тебя обещанной телеграммы о выезде в Париж Кадри Рашид паши с семьей, и во 2-х, я ждал, чтобы сообщить тебе ответ Менгли-Гирея на предполагаемое сватовство с дочерью Кадри паши; между тем он по приезду в Париж из Судана в конце мая заболел малярией и долго мне отвечал по данному вопросу. Теперь несколько дней как он приехал в Ниццу и, несколько поправившись, заявил мне, что он очень хотел бы познакомиться с семьей Кадри Рашид паши, но, к сожалению, паши, по наведенным в турецком посольстве сведениям, в Париж не приехал. И вот вопрос первостепенной важности о женитьбе нашего Менгли-Гирея остался, таким образом, неразрешенным. Ты писал, что кроме дочери Кадри Рашид паши имеются другие невесты, между прочим, по рекомендации симпатичней Кериме-ханум, дочь Хакка-Хамед

бея. Поэтому было бы желательно видеть хоть их фотографии с сообщениям некоторых биографических сведений, т.е. фотографии Мефхерет-ханум, дочери Кадри Рашид наши или других, если имеются в виду. Очень было бы желательно получить здесь эти фотографии пока Менгли-Гирей находится в Ницце. Он, по всей вероятности, пробудет здесь месяца два, а потом вернется в Париж, чтобы оттуда поехать к себе во французский Судан, где он сейчас занимает место *Ad-joint-Directeur du Centre de la Compagnie Cotonnieu du Niger*. Но, по-видимому, скоро получит место *Directeur*.

Спасибо, дорогой, за присланную фотографию с нашими Бакинскими родственниками и с моей бедной, печальной сестрой Бадам-баджси. Доставишь мне удовольствие, если пришьешь свое сочинение и если можно, в двух экземплярах, т.к. хочу один подарить моему здешнему приятелю французу, ярому турко-филу.

Я тебе давно, давно писал и не раз, что крайне нуждаюсь в тюркских словарях, а именно, если можно: французско-турецкий, а также словарь тюркский с объяснением тюркским же, который я приобрел в Константинополе, а потом здесь его потерял. Очень и очень тебя прошу и как можно скорее, не откладывая, обратись в один из хороших книжных магазинов и попроси каталог вышеуказанных словарей, затем учебник тюркского языка, а также, если есть, письмовник, т.е. образцы писем рукописных; пусть укажут цены во

французских франках и условия пересылки. Тогда я выпишу из этого магазина, что мне нужно и могу быть полезным этому магазину, рекламируя его в здешних книжных магазинах. Сделай, пожалуйста, это как можно скорее.

Еще одна просьба. Меня ужасно беспокоит мысль: не случилось ли что-нибудь в Рагим беком. Дело в том, что его последнее письмо мне было от 20 апреля. В этом письме он сообщал о твоём приезде в Баку вместе с Кеprüли Фуад беем, а также о том, что он был очень серьезно болен. У него были и малярия, и желтуха, и фурункул; сильно он страдал, страшно ослаб и исхудал, и письмо свое он писал в первый день, как ему стало лучше. С тех пор, т.е. 20 апреля я от него не имею никаких известий. Мои тревожные письма остаются без ответа, что меня ужасно беспокоит и тревожит его здоровье. Пожалуйста, напиши, кому-нибудь из наших родственников в Баку и спроси о Рагим беке, как его здоровье, где он и какой его адрес. Сообщи мне также адрес Азиза или кого-нибудь из других родственников в Баку, на всяких случаях. Как только узнаешь что-либо о Рагим беке, то сейчас же сообщи мне.

Как твои дела? Надеюсь, что теперь твои финансы поправились. Как поживают семья и дети? Всем шлю привет и обнимаю детей. Целую ручку Валлиде-ханум и Эхдил-ханум. Передай мой сердечный привет и признательность за память: Саадат-ханум, Акыл-Мухтар бею, Энделиб-ханум, вдове Галиб паши,

*Кериме-ханум, Мисал-ханум, Хикмет бею, его сестре;
Закие-ханум, Курбановым, Ага Селиму и его семье.*

*Менгли-Гирей шлет привет тебе и семье.
Крепко обнимаю тебя, сердечно любящий тебя*

Садык

*P.S. По всей вероятности, в январе будущего
года снова поеду в Польшу для поиска работы.*

Nice
30 ноября 1926 г.

Дорогой мой Али бей!

Наконец, после долгого ожидания я получил твое письмо от 19 ноября. Я знал из газет о неприятных событиях; приходили в голову разные мысли, и это меня беспокоило. Твое письмо меня успокоило и порадовало, что вся твоя семья, все вы живы и здоровы; радуюсь за успехи детей, очень хотелось бы их всех видеть, поболтать с милой умницей Саиде, позабавиться беседою философа Мамеда, поцеловать милую Фейзавер, для которой 5 лет тому назад имя дяди Садык бея было пугалом, и она моментально переставала плакать и капризничать, когда ей грозили моим именем. Теперь она, я думаю, не испугалась бы этого имени.

Я и Менгли, который сейчас находится здесь со мной в Нице, были очень удивлены и раздосадованы, узнав их твоего письма, что Кадри-Рашид паша с семьей был в Париже и, к величайшему нашему сожалению, мы об этом не имели ни малейшего представления, и, таким образом, чрезвычайно благоприятный случай для Менгли – представиться Кадри-Рашид паше – был упущен. Но, к счастью, благодаря доброй воле паши, это упущение поправимо, ибо паша был так добр, что выразил согласие на отправку своей симпатичной дочери еще раз в Париж к родственникам, которым Менгли, конечно, немедленно же представится. Он выезжает завтра в Париж для устройства и выяснения своих дел по службе, ибо перед истече-

нием своего отпуска, который кончается в начале января, нужно выяснить некоторые обстоятельства в той компании, в которой он считается сейчас на службе. Как я тебе уже писал, это одна французская компания. Субсидируемая правительством, имеющая огромные концессии *Su Niger, An Soudan frangais*; компания эта называется «*Compagnie de Culture Cotonniere de Niger*»... Два года тому назад Менгли получил место в этой компании как инженер-агроном с жалованием в 1400 фр., на всем готовом, т.е. меблированная квартира и все пищевые продукты от своих *potagers*; резиденция его была в *Dire*, около *Tombouctou*. Приблизительно через несколько месяцев он получил повышение на должность *sourdirecteur* с повышением жалования, и в настоящее время его жалование вместе с *prime* около 40.000 франков в год. У него есть предположение найти место службы в более близкой области к метрополии и к Европе, а именно: в Египте, в Сирии или в Турции, где имеется в виду организовать французское общество для культуры хлопка. Все это пока еще в виду, но в настоящее время определенное его место в вышеуказанной компании во французском Судане, в которой он на хорошем счету и, вероятно, если останется в этой компании, получит в скором времени место директора со значительным увеличением вознаграждения. Он молод, здоров, энергичен, одарен хорошими качествами, добрым сердцем и чуткой душой. Недаром он родной племянник покойной Айши, ангельский характер которой ты знал хорошо. Он сын генерала Сахиба Гирея Еникеева, а мать его – дочь Мирза-Хакима Умидова, бывшего министра Кокандского хана.

Обо всем этом я подробно пишу, ибо придаю огромное значение в вопросе формирования характера, привычек и манер поколений тому, к какой фамилии они принадлежат, в какой семье они росли и воспитывались.

Теперь перейду к вопросу о женитьбе Менгли. Большое спасибо тебе, милый друг, за хлопоты твои по этому делу и за присылку фотографии и глубокая признательность Кадри-Рашид паше за доверие, оказанное им в присылке фотографии своей симпатичной дочери. А почтенная семья паша, к которой она принадлежит, является лучшей рекомендацией для ее характера. Она очень понравилась Менгли, следствием чего и явилась телеграмма с уплаченным ответом, которую я тебе послал вчера. Если предложение руки, сделанное тобой для Менгли, было принято и если Менгли поправится, когда будет иметь честь лично представиться Кадри-Рашид паше, то, бог даст, можно будет совершить бракосочетание, которое должно иметь место во Франции, ибо краткость оставшегося времени отпуска Менгли не позволит ему ехать в Константинополь. Если вопрос о женитьбе будет решен в благоприятном смысле, то свадьбу нужно будет совершить не позже начала января. К этому приводит еще одно обстоятельство. Это то, что я бы хотел присутствовать на этой свадьбе, а между тем я в середине января покидаю Францию и уезжаю в Польшу. Дело в том, что месяца два-три тому назад я получил предложение от университета во Львове занять место лектора-репетитора турецкого языка. Найдя это предложение подходящим для себя, я выразил согласие и, таким образом, около середины января

должен выехать во Львов. Бог даст, может быть, от-туда мне удастся приехать к тебе повидаться с тобой и с семьей.

Недели три тому назад получил письмо от Рагим бека. Слава богу, все наши там живы и здоровы.

Я подробно написал о Менгли по вопросу бракосочетания, дабы ты мог все это изложить Кадри-Рашид паши, которому прошу передать от меня заочный сердечный привет. Надеюсь, что, может быть, буду иметь удовольствие лично познакомиться впоследствии.

Надеюсь, что получу своевременно сообщение о выезде мадемуазель Кадри-Рашид в Париж и о ее адресе там. Сообщаю на всякий случай адрес Менгли в Париже: Islambek, 57 avenue Henri-Martin (l'ambassade d'Afghanistan). Paris.

Буду также очень признателен и рад, если пришлешь словари и твою книжку.

Шлю дружеский привет дорогим Валиде-ханум, Эхдил-ханум, Саадат-ханум, Кемал бею, Акыл-Мухтар бею, Энделиб-ханум, Мисал-ханум, Бехидже-ханум, всем остальным родственникам, Кериме-ханум ее матери и Курбановым. Целую детей. В ожидании скорейшего ответа

Любящий тебя всей душой

Садык.

*21 августа 1927 года.
Nice*

Дорогой друг и милый Али бей!

Давно мы не писали друг другу, но это не значило, что мы забыли друг друга. Родственные связи и дружба многих десятков лет не исчезают вдруг. Я часто вспоминал и тебя, и твою семью и представлял вас себе в новых условиях жизни. Я уверен, что и вы вспоминали обо мне и не раз, может быть, мои милые племянницы и племянник спрашивали вас о дяде Садык беке.

Наша переписка остановилась после неудачи, постигшей дело marriage нашего племянника Менгли-Гирея. Он пробыл потом еще около года в Париже, а затем в начале мая вернулся опять во французский Судан, получив место директора плантации в прежней своей хлопковой компании. Он поехал один, не женившись.

За это время у меня тоже произошли большие перемены. В конце прошлого года мне предложили место лектора турецкого и персидского языков во Львовском университете в Польше. Я принял это предложение и в конце января этого года выехал во Львов. Пробыл там до начала июля, а затем, воспользовавшись летними каникулами, я приехал в Ницу, чтобы ликвидировать здесь окончательно все свои дела; 19-го сентября я выезжаю обратно во Львов для исполнения своего лекторства.

Новым своим положением я доволен и благодарю бога за его милость. Мое непосредственное начальство, профессор восточных языков в университете, оказался прекраснейшим человеком чудной души и великого такта; мы с ним вполне сошлись и подружались. Студенты и студентки – воспитанные и очень симпатичные молодые люди, и отношения мои с ними установились самые хорошие. Город Львов большой, масса зелени, чудные парки и сады. Климат хороший весной и летом, но зима продолжительная и суровая от ноября до апреля. За эти пять месяцев почти не видать солнца. Благодаря этому, я, сразу попав из Ниццы во Львов, проболел несколько раз в начале этого года. В этом году, акклиматизировавшись, надеюсь провести зиму лучше.

Профессор мой устроил меня в самом университете, где временно имею бесплатную комнату. Ввиду этого содержание мое не очень большое – 270 злотых в месяц. За 8 часов лекций в неделю хватает на скромную жизнь. 1 злота равняется по курсу 2,85 французских франков.

Вот вкратце мое новое положение. По последнему известию за 3 месяца тому назад, на Кавказе все наши благополучны.

Как ты поживаешь, мой дорогой, и как семья, главное, как здоровье? Буду ждать твоего письма.

Мой адрес: Sadek bey, 46 Boulevard Gambetta (3^{mé} a Gauche). Nice. France.

Это до 19 сентября.

После же 19 сентября:

*Sadek bey, MarchakKowska NI Universite Lvov
(Leopol)/ Polagne.*

Если ты мне ответишь, не откладывая в долгий ящик свое письмо, то я его получу еще до отъезда из Ниццы.

Будущее Лео, бог даст, на летние свои каникулы, которые начинаются 1 июля, может быть, мне удастся приехать в Стамбул повидаться с вами. Теперь я к вам ближе, чем из Ниццы.

Передай мой сердечный привет дорогим Валидеханум, Эхдил-ханум, Саадат-ханум, ее мужу; всем родственникам и родственницам душевный привет: обнимаю детей, кланяюсь вдове Галиб паши и ее симпатичной дочери, а также Курбановым. Когда напишешь Энделиб-ханум, передай мой привет. Всего наилучшего, мой дорогой, крепко тебя обнимаю

Любящий тебя Садык.

P.S. Посоветуй мне, какую турецкую газету мне выписать для университета, для упражнения чтения со студентами. Желательно, чтобы шрифт печати был наиболее крупным и ясным и чтобы направление было умеренным.

Кроме того, мне нужна хрестоматия с турецкими и персидскими текстами легкого содержания, опять-таки для упражнения чтения и перевода со студентами.

Напиши мне названия этих хрестоматий, адрес книжного магазина, а также цены, чтобы я мог их выписать.

Было бы очень хорошо, если бы ты прислал для образца один номер турецкой газеты, которую ты посоветуешь мне выписать.

Садык.

P.P.S.S. Где Бахрам, от него я давно не имею известий.

3 декабря 1927 г.
Львов.

Дорогой мой Али бей!

Письмо твое, давшее мне доброе известие о всех вас, доставило мне большое удовольствие. Радуюсь тому, что дети, слава богу, здоровы и учатся все трое и, я уверен, с большим успехом. Мне бы доставило большое удовольствие, если бы ты прислал фотографию их в теперешнем виде. И если они пришлют мне несколько строчек, как ты упоминаешь в своем письме, то пусть Мамед и Саиде напишут по-французски – наверное, они уже достаточно знают язык – а Фейзавер пусть напишет по-турецки.

Получил ли ты письмо от Азиза и что он пишет о наших тамошних родственниках? Меня очень беспокоит долгое молчание моего брата Рагима. Около 6 месяцев не имею от него известий. Мои письма ему остаются без ответа, и даже одно мое заказное письмо, посланное ему в июле из Ниццы, вернулось обратно, не будучи врученным. Ты меня очень обяжешь, если дашь известие о нем.

Будь так добр, сообщи, сколько стоит абонемент в турецкой монете и в долларах на газету «Вахт» и журнал «Хаят» на три месяца и на шесть месяцев, если выписать сюда. Не затруднит ли тебя, если деньги послать тебе, чтобы внес в редакцию и сделал заказ на абонемент?

Пользуясь тем, что ты так добр, предлагаешь мне помочь, насколько возможно, в моей, как ты называешь священной работе лектора восточных языков –

прошу тебя мне сообщить, сколько стоит в турецкой монете и в долларах: 1 – письмовник турецкий, т.е. образцы писем; 2 – арабо-турецкий dictionnaire. Пока я прошу тебя только об этом.

Скажу теперь несколько слов о своем положении. Я веду, главным образом, практические занятия, т.е. легкое чтение и перевод турецких и персидских текстов совместно с грамматическим анализом. Кроме этого временно до прибытия лектора арабского языка из Алжира занимаюсь с первым курсом студентов по грамматике арабского языка, пользуясь арабскими грамматиками на французском языке. O.Noudas и на русском – Хацаба.

Преподаю на французском языке, ибо на польском еще не умею достаточно объясняться. Моим непосредственным шефом является заведующий Институтом восточных языков профессор Смогоржецкий, личность обаятельная, искренно любящий ислам, а особенно турок. Он специалист по истории ислама и арабскому языку, бывший ученик профессора Бартольда в Петербурге и там же получил свое звание профессора. Мы с ним в сердечно-дружеских отношениях и часто видимся, ибо столуемся вместе. Благодаря его чрезвычайно благожелательному отношению ко мне, я чувствую себя не таким одиноким и брошенным. Вообще, отношение поляков к туркам самое лучшее, и они не забыли вековую дружбу и симпатию турок к ним.

В прошлом году по непривычке страдал от сурового климата зимой, но в этом году, по-видимому акклиматизировавшись, чувствую себя пока, слава богу, хорошо, хотя здесь у нас уже были морозы до 10-11

град. Но большей частью пока холод держится на 3-4 град. мороза.

Очень тронут памятью Энделиб-ханум, передай ей мой искренний привет, а также передай мое сердечное приветствие Валиде-ханум, Эхдил-ханум, Саадат-ханум с ее мужем, Кериме-ханум с матерью, Ага-Селиму с детьми Ю Хикмет бею, его матери и сестре, Курбановым и всем остальным родственникам и родственницам. Крепко целую племянника Мамеда и племянниц Саиде и Фейзавер. Прилагаю здесь при письме один доллар, будь так добр, купи детям конфеты Хаджи-Бекира.

Имеешь ли известие о Муса беке Рафиеве? Если знаешь его адрес, сообщи мне.

Пиши, милый, мне письмо по-турецки, и вообще пиши, ибо твое письмо мне доставляет всегда большое удовольствие.

Всего наилучшего, дорогой, крепко обнимаю тебя, любящий твой

Садык.

*2 февраля 1928 г.
Львов*

Дорогой Али бей!

Получил твое письмо от 4 января с двумя квитанциями на абонемент («Вахт») и на перемену адреса. За эти квитанции университет от имени заведующего Институтом восточных языков профессора Смогоржевского уже послал тебе 5 долларов. Думаю, что ты уже их получил. Газету присылают аккуратно; спасибо за исполненное поручение.

Журналов посылать не нужно, но я был бы тебе признателен, если бы ты послал мне письмовник Ахмед-Расима и малый арабский словарь. Обе эти книги будут стоить 160 пиастр, и я думаю, что эта сумма тебя не затруднит.

Из книжного магазина (Заман) никаких сообщений, ни каталога не получено.

С удовольствием прочел в газете «Вахт» одобренным правительством проекте министра финансов об увеличении жалованья всем служащим в Турции. Судя по приведенным в газете данным, увеличение будет значительное, что, без сомнения, улучшит твое материальное положение.

Не откажи, пожалуйста, сообщить мне некоторые данные о теперешней дороговизне жизни в Стамбуле сравнительно с тем, когда я был 6 лет тому назад там. Сообщи также цену комнат в отеле, например, таком, где я жил первое время в Стамбуле

по приезде из Кавказа. Некоторые студенты здесь хотели бы поехать летом в Стамбул для практики языка; они из несостоятельной среды и обходятся здесь 100 злотыми (около 22 турецких лир) на все расходы в месяц. Могут ли они найти там какую-нибудь временную работу (некоторые из них знаю европейские языки)?

Этот вопрос о стоимости жизни в Стамбуле интересует и меня лично, ибо может случиться, что за время летних вакаций поручат мне некоторую работу по турецкому языку, которую нужно будет исполнить в Стамбуле. За это министерство народного просвещения здесь может лишь дать мне путевые расходы туда и обратно; жить же должен буду на получаемое свое жалованье, что составляет около 250 злотых в месяц (около 55 турецких лир). И вот меня интересует вопрос: можно ли на эту сумму жить там прилично в летние месяцы?

Видел ли ты Ага-Селима, и получил ли он какие-нибудь сведения о моих родных с Кавказа?

Еще один интересный вопрос: если ли уже какое-либо печатное произведение на турецком языке, написанное латинским шрифтом? Судя по «Вахт», вопрос о замене арабского алфавита латинскими пока только еще обсуждается в какой-то комиссии. Вопрос этот очень интересует одного моего приятеля француза в Ницце.

Ну, пока, всего наилучшего. Передай мой сердечный привет всем родственникам: Валиде-ханум, Эхдил-ханум, Саадат-ханум, ее супругу, Хикмет бею (как

его здоровье?), а также Кериме-ханум и почтенной ее матери, Курбановым, Ага-Селиму с семьей. Обнимаю детей.

Любящий тебя Садык.

25 декабря 1927 г.
Львов

Дорогой мой Али бей!

Только что получил твое письмо от 16 декабря, которое доставило мне большое удовольствие, как сообщающее о вашем благополучии. Спасибо за подарок, книжку твою, которую я еще не получил.

Газета «Вахт», на которую ты уже абонировал на мое имя, должна быть на имя института, который и должен платить деньги. Потому, прошу тебя изменить адрес абонемента и вместо моего имени написать следующее:

*Universite, Marchalkowska № 1.
Institut des langues Orientales¹
Lwow. Polagne.*

Квитанцию об уплате денег также нужно изменить и написать вместо моего имени вышеуказанный Institut des langues Orientales. Измененную квитанцию прошу прислать, чтобы институт выслал тебе деньги.

Пока на журнал «Хаят» не абонируйся и не присылай книги: письмовник и dictionnaire. Сообщи только мне стоимость в долларах журнала на 3 месяца, письмовника и dictionnaire. Ты пришьешь их, если институт согласится, и я вышлю вперед деньги.

¹ Институт восточных языков (М.Т. – А.А.).

Будь добр, милый, попроси Ага-Селима узнать более подробные сведения о моих в Баку: Рагиме и других, от кого-либо в Баку, с кем он переписывается, не упоминая о моем имени, как бы он интересуется сам лично о них.

Поздравляю тебя и всех родных с Новым годом и горячо желаю здоровья и всякого счастья.

У нас здесь ничего нового. Сейчас рождественские вакации¹, и до 10-го января занятий нет.

Передай мой сердечный привет Валиде-ханум, Эхдил-ханум, Саадат-ханум с мужем, вдове паши, Ага-Селиму с семьей, Курбановым, Хикмет бегу, которому желаю быстро поправиться и Энделиб-ханум, когда ей напишешь. Обнимаю детей и тебя.

Любящий Садык.

¹ По всей вероятности имеются ввиду каникулы (М.Т. – А.А.).

23 марта 1928 г.
Львов

Дорогой Али бей!

По случаю Новруз байрама и байрама Рамазане-Шариф шлю мои сердечные поздравления, как тебе, так и дорогой твоей семье и всем родственникам с искренним пожеланием здоровья, счастья и полного благополучия. В такие дни особенно хотелось бы быть с вами, дорогими моими родственниками, но, к сожалению, мы слишком далеки друг от друга, и я могу лишь мысленно разделить с вами радости праздников. Крепко обнимаю моих милых племянниц и племянника и прошу тебя купить на прилагаемый один доллар любимые им сладости.

О себе могу сказать лишь одно доброе, ибо по милости божьей ни разу за всю зиму не болел; работа идет гладко, с коллегами моими и студентами я нахожусь в самых хороших отношениях и к климату здешнему, по-видимому, привык.

Недавно, наконец, получил после более чем восьмимесячного отсутствия известий письмо от брата Рагима. Пишет между прочим, что бы болен, и врачи определили его болезнь «нервный редемит», который, по его словам, неизлечим. Проявление этой болезни следующее, появляются на лице небольшие опухоли, кожа лица высыхает и дает много морщин; от времени до времени на лице, на голове и ушах появляется масса фурункул. Все это, т.е. опухоли и фурункулы вызывают страшнейший, непереносимый зуд до того, что хочется содрать всю кожу. Эти проявления

усиливаются особенно, когда он расстроен и нервничает. Говорит, делали всякое лечение: и микстуры, и мази, и лучи черные и синие, но все напрасно, без результата.

Дорогой Али бей, это ведь по твоей специальности. Объясни, что эта за болезнь и чем можно помочь. Это меня очень расстраивает и огорчает.

Мое письмо от 2 февраля ты, наверное, получил. Надеюсь, что скоро я получу твой ответ.

В ожидании сего, приветствую и целую ручку Валиде-ханум, Эхдил-ханум и Саадат-ханум; передай мой привет ее супругу, а также вдове Галиб паши и Кериме-ханум. Приветствую и поздравляю Хикмет бея, Ага-Селима и его семью, Курбановых, а когда напишешь Энделиб-ханум, то кланяйся ей от меня.

Всего наилучшего, любящий тебя

Садык.

30 декабря 1937 г.

Дорогой брат Али бей!

На днях, приводя в порядок разные бумаги на письменном столе, нахожу с великим изумлением между ними визитную карточку Азиза и узнаю из надписей на ней Азиза и Мамед-Селима, что они были у меня проездом во Францию в то время, когда я был в отсутствии из Львова. Дело в том, что я, пользуясь летними каникулами, поехал в местность Трускавец, чтобы отремонтировать там несколько свой ослабленный организм тамошними лечебными водами. Вернувшись оттуда, я не застал бывшую прислугу, а была новая. Нужно полагать, что новая прислуга, приводя в порядок комнату и вещи на столе, спихнула лежащую на столе визитную карточку между другими бумагами, и когда я вернулся во Львов, карточку не увидел, а новая прислуга мне ничего не сказала о визите моих дорогих племянников, ибо ничего не знала о том.

Нужно еще добавить, что во время моего отсутствия из Львова отсутствовала также, будучи на выставке в Париже, квартирная хозяйка, у которой я нанимаю комнату и которая также ничего не знала о визите.

Представь себе, дорогой, мое сожаление и великое огорчение, что мне не удалось повидаться с дорогими мне и давно покинутыми племянниками и что их труд и хлопоты, чтобы меня отыскать, оказались напрасными. Ведь такой случай уже не повторится, в другой раз им не придется ехать во Францию через Львов.

Давно мы с тобой не переписывались. Последнее мое письмо было в феврале 1935 года, когда я послал также арабскую грамматику вместе со словарем польско-французским, а также копией с картины известного польского художника и видами Львова для детей. На это письмо я не получил ответа и мне не было сообщено, получил ли ты посланные мной книги и картину. Это твое молчание меня очень и очень озадачило.

Мои занятия в университете продолжаются; теперь уже 11-ый год, как здесь работаю. Здоровье более или менее в порядке, но очень ослабел, время от времени болею и вообще не могу привыкнуть до сих пор к здешнему климату зимой, которая тянется полгода, с ноября до мая.

Как ты поживаешь, дорогой; как семья, как дети и чем они теперь занимаются, как поживают другие родственники?

Из Кавказа не имею никаких известий. Рагим находится в Иране и был все время безработным, нужно было помогать. Только на днях получил от него известие, что по всей вероятности, ему удастся получить в провинции Керман в монопольном обществе место управляющего хлопковыми заводами.

Не уверен, дойдет ли это письмо до тебя; может быть, переменил адрес, а потому посылаю письмо заказным.

Сердечно приветствую и шлю наилучшие новогодние пожелания дорогим и милым: Валиде-ханум, Эхдил-ханум, Саадат-ханум, Кемал-Мухтар бею и всем родственникам: целую детей, крепко обнимаю тебя и жду известий от тебя.

Любящий Садык.

*P.S. Когда и каким путем Азиз и Мамед-Селим
вернулись в Стамбул. Сообщите мне адрес Азиза.*

Мой адрес:

Ул. Сенаторская б т.5.

* * *

В начале февраля 1927 года, Садыкбек Агабекзаде по приглашению Зигмунта Смогожевского переезжает во Львов (Польша), где начинает работать на философском факультете Львовского университета, а несколько позже – и во Львовской высшей торговой школе, где преподаёт турецкий, персидский и арабский языки, изучая в то же время польский и украинский.

3. Смогожевский, В.Котвич и Садыкбек Агабекзаде составили ядро школы востоковедения, которая позднее получит название Львовско-Петербургской.

В Львовском университете Садыкбек преподаёт целый ряд дисциплин: турецкий язык (современный и староосманский), персидский язык, арабский язык, арабскую грамматику, исламоведение, мусульманскую палеографию, каллиграфию и эпиграфику.

В 1931 году С.Агабекзаде издал на польском языке свой учебник турецкого языка, в 1932 году элементарную грамматику арабского языка (фонетику и морфологию), написанную на базе второго издания “Новой грамматики арабского языка” Огюста Перье, опубликованной в Париже в 1928 году.

Во Львове Садыкбек оставил целый ряд своих учеников: Теофил Володимирский, Марьян Левицкий, Омельян Прицак, Тадеуш Левицкий, Франтишек Махальский и многих других.

Во время немецко-фашистской оккупации гитлеровцы выбросили немолодого уже ученого из его квартиры, поселив в плохо отапливаемое помещение. В 1943 году он тяжело заболел, а девятого октября 1944 года, уже после освобождения Львова, Садыкбек Агабекзаде отошел в вечность. До последних дней за ученым присматривали его ученица Ольга Бак и ее муж.

Похоронен С. Агабекзаде на 84 линии Личаковского кладбища. Личаковское кладбище – один из самых величественных и самых помпезных европейских некрополей, основанный в 1786 году. Здесь с первых годов его учреждения хоронили лиц известных, знатных, самых богатых – деятелей культуры, искусства, науки и всю политическо-административную элиту столицы Королевства Галичина и Лодомерия.

На мраморной плите надпись на польском и турецком: «Здесь похоронен генерал и профессор Мухамед Садык-бек Агабекзаде (Агабеков)».

Вклад С. Агабекова во Львовскую школу востоковедения, огромный. Этот ученый, высокоэрудированный и по-военному дисциплинированный, был не только одним из основателей так называемой львовско-петербургской школы востоковедения, но и принес в наш университет тот неуловимый аромат Закавказья, Средней Азии, Турции, Ирана и арабских стран, благодаря которому Львов был одним из немногих городов Украины, где так естественно привились наука и культура Востока, которые сделали Львов интересным для Европы городом, о котором писало немало людей, – от Николая Гоголя до Ахмеда Сурно.

Городская власть Львова достойно оценила заслуги ученого, переименовав улицу Боковую Бакинскую на улицу Садыкбека Агабекова. Поэтому, стоя перед могилой Мухаммеда Исмаиловича Садыкбека Агабекзаде (Агабекова), кланяемся духу этого мужчины, говоря при этом известную восточную формулу – «Мир его праху и слава его имени!».

Ярема ПОЛОТНЮК,
преподаватель
кафедры востоковедения ЛНУ им. И. Франко.

Science Without Borders [®]

International Publishing House “SWB”,

(UK, Bulgaria, Turkey, Czechia)

***Office in Bourgas: Bulgaria, city of Bourgas, 15-B “Khan Krum”
Street***

***Office in London: EIC, 19 Kathleen Road, London, SW112JR,
United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland***

Phone: + 44 207 760 63 31;

Fax: + 44 207 691 95 60;

www.wosco.org

e_mail: publishing_house@wosco.org

Date of an order: 01.02.2010.
Offset printing
Conventional printer's sheet: 8,25.
Copies of the book were printed: 1,000.

ISBN 978-9952-451-06-1

